В

Г. А. РЖАНОВ

ГИ4Ь
Р596 р

ДЕСЯТЫЙ ФЕВРАЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

ТРИ РЕВОЛЮЦИИ

СБОРНИК ПО ЛЕНИНУ

Составил Н. КАРПОВ

ВЫПУСК ВТОРОЙ

1917

Статьи, речи и доклады Ленина, образующие настоящий сборник, непосредственно вводят читателя в обстановку той непримиримо-напряженной борьбы, которую в 1917 г. вели рабочие при поддержке крестьянства со всей русской и международной буржуазией. Материал расположен таким образом, чтобы дать возможность читателю разобраться в основных вопросах тактики Коммунистической Партии в сложнейшие моменты борьбы за власть Советов.

Стр. 370. Ц. 2 р. 25 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата

ГИЧБ
Р596 р

Г. А. РЖАНОВ

ДЕСЯТЫЙ ФЕВРАЛЬ

1917—1927

ПОПУЛЯРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

1-й экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.
84
П

ГИ46 Р
Р596

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Марксизма Ленинизма
при Ц. КПСС

69285

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград
Ротчинская-26

Сф
15352

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

3/01 69285

Гиз № 19114/Л
Ленинградский Гублит № 33118
$5^1/_8$ л. Тираж 5000

„Лозунгом и задачей дня в этот момент должно быть: рабочие, вы проявили чудеса пролетарского народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции“.

ЛЕНИН. «*Первый этап первой революции*», т. XIV, ч. I, стр. 12 — 13.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Десятилетие Февральской революции — годовщина большого исторического значения — является преддверием десятой годовщины Октября. Естественно, что внимание всех трудящихся нашего Союза приковано к этим двум датам. Подводятся итоги величайшего в нашей истории и в истории всего мира десятилетия. Революционная мысль концентрируется на путях и подступах к Октябрю, на исторических предпосылках и истоках Великого Октября, на решенных им исторических задачах, объективно связанных со всей прошлой историей.

Целесообразным поэтому можно считать краткий, но цельный и связный очерк всего периода от крушения крепостнического режима до свержения буржуазии, ибо это есть путь от Февраля к Октябрю, этапы, через которые шли массы к его завоеванию.

Этим определяется как появление настоящей книги, так и историко-описательный характер настоящего популярного очерка. Важнейшие факты, характеризующие тот или иной из этапов Февральской революции, имеют глубокое воспитательно-агитационное значение для широких пролетарских масс, для молодежи в особенности, которая не помнит Февраля. Эти факты оттеняют наиболее драматические моменты: Февральские дни, Июльские события, корниловщину и т. д.

Автор считал бесполезным в популярном очерке (и при том кратком) загромождать текст библиографическими ссылками на источники и хроники, использованные в брошюре, на происхождение ставших историческими „крылатых фраз". („Правительство спасения от революции", „Подозрительная покойница" и т. д.)

Несомненно, брошюра не лишена ряда недостатков, но оправданием этому является „срочность выполнения задания".

Автор

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

В Февральско-Мартовские дни 1917 г. под мощным напором трудовых масс рухнула насквозь прогнившая романовская монархия.

„Императорская Россия", эта „тюрьма народов", беспощадно угнетавшая подвластные ей народы и жестоко эксплуатировавшая трудящиеся слои населения, рухнула стремительно, развалилась точно карточный домик. Это было историческим доказательством того, что „плод" достаточно созрел. Действительно, революция, которая смела в России остатки феодально-крепостнического строя, исторически запоздала, по сравнению, напр., с Англией и Францией, на целые столетия. И в этом было чрезвычайное историческое своеобразие февральского переворота.

Всемирно-историческое значение Февральской революции ни в коем случае не может быть понято вне ее связи с величайшими мировыми событиями первой четверти XX века.

Февраль недаром родился в судорогах неслыханно истребительной мировой империалистической войны. Отсталая в капиталистическом отношении, стонущая под гнетом варварского полукрепостнического режима, „Императорская Россия", тем не менее, вступила в мировую бойню, как неотъемлемая, органическая часть антантовского блока, как непременный член чудовищ-

ной империалистической системы, подобно щупальцам гигантского спрута охватившей к этому времени целый мир.

Мировой капитализм в течение последних десятилетий XIX и начала XX века достиг величайших ступеней своего развития и, охватив почти весь мир, вступил в свою роковую империалистическую стадию. Весь капиталистический мир распался на ряд национально-капиталистических организмов, смертельно враждебных друг другу, конкурирующих между собою и ежеминутно готовых вступить в ожесточенную борьбу. Финансовый капитал, всемирно могущественные банковские консорциумы, картели и синдикаты, в руках которых были целые мировые отрасли производства, с неизбежной необходимостью придавали конфликту мировой характер. Мировые хищники разбились на два гигантских лагеря: с одной стороны, антантовский блок, во главе которого шла империалистическая Англия, с другой стороны, центрально-европейская коалиция, во главе с буржуазно-юнкерской Германией.

Многомиллионные трудовые массы России были брошены в войну во имя сверх-прибылей господ Рябушинских и Коноваловых, во имя разбойнического идеала „Великой России“ с Дарданеллами, Арменией и Галицией, необходимого для осуществления этих сверх-прибылей, фактически же в качестве неистощимого пушечного мяса во славу мощного англо-французского империализма, ведущего войну, ее инициатора и гегемона в недрах антантовского блока. „Императорская Россия“ оказалась крепко-на-крепко прикованной тяжкими цепями финансовой зависимости и военных союзов к кровавой колеснице бешено мчащегося мирового империализма.

В условиях безмерно затянувшейся гигантской бойни это обстоятельство уже предопределяло в основном неизбежность крушения царской России; безнадежно

отсталая политически и главным образом экономически, она рано или поздно обречена была на крах под непосильным бременем невероятного напряжения всех производительных сил, связанного неизбежно с ведением войны. Это и произошло. Война в громадных размерах ускорила течение всемирной истории, и на одном из особенно крутых поворотов ее „телега залитой кровью и грязью романовской монархии опрокинулась сразу“ (Ленин). Эта „телега“ взяла на себя поистине непосильную задачу — угнаться за мощными и быстроходными танками современного, вооруженного по последнему слову техники, империализма, располагающего неизмеримо сильнейшими производительными силами.

Но неслыханная бойня, стоившая человечеству 10 миллионов убитых и 30 миллионов раненых, оказалась непосильной не для одной только отсталой России: она в основах его потрясла весь капиталистический мир. Капитализм в его новейшей империалистической стадии наглядно, воочию показал всему человечеству, какие неразрешимые внутренние противоречия, колоссальной взрывчатой силы, таятся в его недрах. Мировая империалистическая война 1914—1918 гг. отнюдь не смогла ни разрешить, ни устранить этих непримиримых противоречий. Она показала лишь, что империалистические хищники готовятся при новой группировке сил к новой, еще страшнейшей мировой войне, грозящей ввергнуть современное человечество „в бездну одичания и маразма“ (Бухарин).

Вместе с тем, война чрезвычайно ускорила процесс превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Ареной борьбы стало мировое хозяйство в целом. Вот почему мировая война приблизила человечество к социализму. Вот почему „Империалистическая война,—писал тов.

Ленин в статье „Грозящая катастрофа и как с нею бороться", — есть канун социалистической революции". И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет (Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 209).

К моменту Февральской революции в России объективные предпосылки мировой социалистической революции были уже налицо. Февральская революция в России и ряд революций в странах центрально-европейской коалиции исторически являлись началом прорыва единого до сих пор империалистического фронта, началом отныне исторически-неотвратимого процесса распада и гибели капиталистической системы, преддверием эпохи мировой социальной революции.

Так стоял вопрос уже в мировом масштабе.

„Война создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть, или вручить свою судьбу новому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства" (Ленин, там-же, стр. 213).

Вследствие неравномерности капиталистического развития вообще, эпоха мировой социальной революции неизбежно превращалась отныне, согласно прогноза К. Маркса, в „длительную полосу гражданских войн и битв народов, которая продлится 15, 20, 50 лет".

Общеимпериалистический фронт был уже фактически прорван на его наиболее уязвимом участке, в России. Этим самым уже предопределялось и перерастание буржуазной революции в России в пролетарскую.

„В силу ряда исторических причин, большой отсталости России, особенных трудностей войны для нее, наибольшей гнилости царизма, чрезвычайной живости традиций 1905 г., в России раньше других вспыхнула революция. Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически.

Это возможно, ибо перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты техники и культуры. Нам оказывает моральную поддержку растущий протест против войны в Европе, атмосфера нарастающей всемирной рабочей революции. Нас подтягивает, подхватывает исключительно редкая во время империалистической войны революционно-демократическая свобода.

Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. „Так поставлен вопрос историей“ (Ленин, там-же, стр. 213).

Русская революция не погибла.

Она со всей силой устремилась вперед — к Великому Октябрю.

Этим всецело определяется всемирно-историческое значение Февраля: он может быть понят только как одно из звеньев грандиозной цепи событий, строго обусловленных исторически, а в этой цепи он был первым, еще слабым звеном начавшейся „эпохи гражданских войн и битв народов“.

„Империалистическая война с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна превратиться в гражданскую войну между враждебными классами. Это превращение начато Февральско-Мартовской революцией 1917 г. (Ленин, „Первый этап первой революции“, т. XIV, ч. I, стр. 7).

Февральская революция объективно начала это превращение.

Февраль явился поэтому историческим предисловием, переходной ступенькой к грандиозным событиям Октября.

Еще в первые месяцы Февральской революции, когда „все кошки были серы“, когда опьянение звоном „общенародной фразы“ еще не прошло, тов. Ленин, приехав 3 апреля 1917 г. ночью в Петроград, уже 7 апреля в своей статье „О задачах пролетариата в данной революции“, появившейся в „Правде“, дал теоретическую характеристику переходного периода, каковым по существу являлась Февральская революция:

„Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства“.

„Русская революция“ Февраля-Марта 1917 г. была началом превращения империалистической войны в войну гражданскую. Эта революция сделала первый шаг к прекращению войны. Только второй шаг может обеспечить прекращение ее, именно: переход государственной власти к пролетариату. Это будет началом всемирного „прорыва фронта“ — фронта интересов капитала, и, только прорвав этот фронт, пролетариат может избавить

человечество от ужасов войны, дать ему блага прочного мира. И к такому „прорыву фронта“ капитала русская революция уже подвела пролетариат России вплотную, создав Советы Рабочих Депутатов (Ленин, „Задачи пролетариата в нашей революции“, т. XIV, ч. I, стр. 45).

Этим всецело определяется историческое место Февраля.

Февраль с самого начала оказался чреват Октябрем — в этом его величайшее историческое значение.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФЕВРАЛЯ.

Стремительный успех февральского переворота определялся прежде всего крайне устаревшим и изжившим себя социально-политическим дореволюционным укладом.

Правящим классом, главной опорой трона, был класс крупных помещиков полукрепостнического типа, в руках которых сосредоточивался гигантский землевладельческий фонд.

Романовская монархия была дворянско-феодальной монархией.

Десять миллионов крестьянских семей, задавленных крепостнической эксплуатацией, владели 75 милл. дес. С другой стороны, тридцать тысяч крупных помещиков держали в своих руках крепостнические поместья общей сложностью тоже в 75 милл. дес.

Но это был класс паразитический в полном смысле этого слова. Помещики сами не обрабатывали своей земли. Помещичье хозяйство держалось на крестьянском труде: помещик эксплуатировал свою землю путем сдачи ее в аренду крестьянам, путем „отработков“. Колоссальное аграрное перенаселение в деревне гнало крестьянина в объятия помещика в качестве арен-

датора и батрака. Но это была „голодная аренда“ и кабальная эксплуатация.

Идеология „благородного дворянства“ была идеологией крайней реакции, идеологией „союза русского народа“ и „двуглавого орла“.

„Романовский дом“ был первым помещиком не только России, но и всего мира: он сумел прибрать к своим рукам громадные пространства удельной и кабинетской земли.

Промышленная буржуазия в целом была отстранена от власти, если не считать тех ее хищнических слоев, которые были тесно связаны с „казенными подрядами и поставками“. Технически прогрессивная буржуазия ходом исторического развития все ближе и ближе придвигалась к власти, все яснее и яснее начинала понимать необходимость сбросить феодально-крепостнические путы, стеснявшие процветание „отечественного капитализма“ и мешавшие его превращению в капитализм типа передовых западно-европейских стран. Эта прогрессивно-промышленная буржуазия, идеологом которой являлась кадетская партия, находившаяся в „оппозиции его величеству“, шла к осуществлению своих классовых целей — „к переходу всей полноты власти“ в свои руки, — в этом и был смысл требования „ответственного министерства“ и „конституционных гарантий“.

К этой буржуазной оппозиции примкнули и так называемые „просвещенные аграрии“ типа князя Львова, первого премьера первого Временного правительства. Благоприятная конъюнктура мирового сельскохозяйственного рынка сделала выгодным введение крупнокапиталистического, построенного на рациональных началах и рассчитанного на крупный экспорт помещечьего хозяйства. „Просвещенные аграрии“ также нуждались в переходе от крепостнического строя к более современному, основанному на более тонких методах эксплуатации.

Обе эти группы объединились на платформе российского империализма. Финансовый капитал, охвативший к этому времени почти весь мир, захватил в свою орбиту и Россию. Синдикаты, тресты и банки достигли и здесь громадной силы, концентрация производства („Продуголь", „Продамет") и здесь достигает высоких степеней. Империалистическая буржуазия, еще далекая от экономической мощи своих европейских собратьев, не отставала, однако, от них в выработке столь же грандиозных разбойничьих программ империалистического грабежа и захвата, характерных для мирового финансового капитала.

Классическую формулу этой захватнической программы дал лидер кадетской партии П. Н. Милюков. В нее входил захват части территорий соседних государств, необходимый, по их мнению, для создания „Великой России": Познани и Восточной Пруссии у Германии, Галиции у Австрии, Константинополя и Дарданелл с прилегающими берегами в Европе и Передней Азии у Турции, Северной Персии и т. д.

Первобытная, грубая жадность царизма и разбойничья программа российского империализма на первых порах слила в единый блок царизм, прогрессивную буржуазию и „капиталистических аграриев". Но этот блок был полон неразрешимых внутренних противоречий.

Помещики с опаской поглядывали на растущую силу и организованность буржуазии и ставили ее развитию всевозможные препоны. Позиция буржуазии была внутренно противоречивой и бесконечно трусливой. С одной стороны — она в ужасе поглядывала на крепнущую мощь рабочего движения и шарахалась от него в объятия самодержавно-бюрократической клики, с другой стороны — она с отчаянием убеждалась, что эта клика абсолютно бессильна разрешить „великие

исторические задачи", стоящие перед „молодым российским империализмом".

Все ограничивалось, однако, бессильными оппозиционными речами представителей „прогрессивного блока" в „законопослушной Государственной Думе".

Таковы были правящие классы дофевральской России.

Аграрное законодательство Столыпина пыталось создать новую „опору трону" в лице „хозяйственно-мощных мужичков", иначе говоря, создать крепкий слой деревенского кулачества путем разрушения общины. Но эта „ставка на сильных" была бита историей: сельскую буржуазию создать не удалось, слой кулаков оказался социально далеко не так силен, как того добивались его создатели.

Против старого строя попрежнему стояла огромная масса крестьянства, задыхающегося в тисках безземелья и полукрепостнического режима с его порками, надругательством над личностью крестьянина и беспросветной эксплуатацией.

В период Февральской революции для рабоче-крестьянского блока создавались более благоприятные условия чем в 1905 г.: одетый в солдатскую шинель крестьянин, попрежнему лишенный земли, должен был биться в окопах, среди ужасов неслыханной войны, за совершенно чуждые ему интересы.

Брошенный в горнило войны, он политически воспитывался, начинал понимать, где его истинный враг и где друг.

Это была огромная антиправительственная политическая сила.

Ненависть крестьянских масс к старому строю, накопленная веками, глухо клокотала, ища выхода.

Ведущим классом революции был пролетариат.

Он быстро рос количественно, концентрируясь на огромных капиталистических предприятиях.

Но его удельный революционный вес далеко опережал его количественный рост.

Он был угнетен вдвойне. Все бешеные репрессии полицейско-бюрократического режима обрушивались на него вместе с нестерпимым гнетом капиталистической эксплуатации.

Уже в первых же генеральных стычках с царизмом пролетариат показал себя в качестве главной силы, действительно способной разбить и уничтожить царизм.

Единственный до конца революционный класс, он более всех других классов был способен к длительной, упорной, систематической и организованной революционной борьбе, возглавляемый закаленной в революционных боях, марксистски выдержанной и до конца последовательной партией пролетариата — партией большевиков.

Основное положение революционного марксизма — о ведущей роли, о гегемонии пролетариата в революции, блестяще подтвердилось на опыте всех революций в России.

Предсказание Плеханова, основоположника русского марксизма, что „революция в России победит, как рабочая революция, или не победит вовсе", блестяще оправдалось.

Таковы были основные классовые группировки в России непосредственно перед Февральской революцией, предопределившие быстрое крушение царизма.

Эти группировки уже хорошо знали друг друга, ибо небольшой исторический промежуток времени отделял их от революции 1905 г.

Живость традиций 1905 г. сыграла чрезвычайную роль в Февральской революции.

„Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905 — 1907 гг. была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее начального этапа в несколько дней, вторая революция. Первая (1905 г.) глубоко взрыла почву,

Библиотека Института Ленина при Ц.К. К.П. (б)
69285

выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу и всему миру все классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей. Первая революция и следующая за ней контр-революционная эпоха (1907 — 1914 гг.) обнажили всю суть царской монархии, довели ее до „последней черты", раскрыли всю ее гнилось, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых,—этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, — этих „первых среди равных" помещиков, владеющих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса „священной собственности".

Без революции 1905 — 1907 гг., без контр-революции 1907 — 1914 гг. невозможно было бы такое точное „самоопределение" всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в 8 дней Февральско-Мартовской революции 1917 г. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, „разыграна" точно после десятка главных и второстепенных репетиций: „актеры" знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия" (Ленин, „Первый этап первой революции", т. XIV, ч. I, стр. 5—6).

Правящая клика к моменту революции достигла крайних пределов маразма и разложения.

Чудовищные оргии разврата причудливо сочетались с экзальтированным „мистическим помешательством".

Происходившая непрерывная „министерская чехарда" по существу являлась агонией насквозь прогнившего царского режима.

Наконец, военная измена свила себе прочное гнездо в этих „верхах".

Утерявшая всякое историческое чутье, правящая клика была абсолютно неспособна понять складывавшуюся грозную для нее ситуацию и тупо-упрямо держалась за старые, реакционные методы „подавления". Класс дворян-крепостников, основной правящий класс империи, исторически изжил себя, до последней степени одряхлел и разложился. Двор и дворянско-бюрократическая правящая верхушка государства являли жуткую картину полного распада и гниения. Распутиновщина, протопоповщина и т. п. являлись лишь высшим выражением этого социального распада, этой гнилостности монархическо-дворянской России.

Перед лицом огромных экономических задач, связанных с необходимостью дальнейшего ведения невероятно затянувшейся войны, ее полное банкротство было еще более несомненно.

Война требовала крайнего развития и напряжения всех производительных сил страны, а они были безнадежно связаны феодально-крепостническими путами. „Великое отступление" 1915 г. фактически знаменовало полный военный разгром. И в самый критический момент фронт оказался без снарядов и без патронов. Против железных „Макензеновских фаланг" наши войсковые части дрались камнями и палками и был даже проект вооружения частей армии топорами на длинных древках.

Неудивительно поэтому, что даже буржуазия — „оппозиция Его Величества", воплощенная в лице „прогрессивного думского блока", одушевляемого милюковскими идеалами „Великой России", становилась все

более и более законопослушной, открыто говоря с думской трибуны о необходимости замены „правительства народной измены“ ответственным министерством „Народной Свободы“.

Даже „доблестные“ союзники в лице сэра Бьюкенена, английского посла, были склонны к замене бездарного правительства царизма „работоспособным“ правительством из империалистической буржуазии, правительством, способным довести войну „до победоносного конца“ и в этом смысле вели интриги.

Для рабочего класса и крестьянства война принесла величайшие бедствия и тягости.

Рабочий класс на фронте подвергался неслыханному истреблению, а в тылу беспримерной эксплуатации при работе „на оборону“.

Все его организации подвергались полному разгрому.

Крестьянство лишилось 50% мужчин работоспособного возраста и процесс оскудения крестьянского хозяйства подвигался быстрым темпом.

Армия разлагалась и роптала, преданная на произвол бездарных полководцев, без оружия и обуви.

Вся атмосфера была крайне сгущенной.

На „верхах“ после убийства Распутина зрел новый план „переворота сверху“, на низах—отчаяние и нищета создавали предпосылки грозного общенародного революционного взрыва.

При такой обстановке грянула Февральская революция 1917 года.

ДНИ ПЕРЕВОРОТА.

Передовым вождем восставшего народа, застрельщиком революции явился пролетариат.

Первым днем широкого рабочего движения в Петрограде следует считать 23 февраля. Забастовки начались на заводах и сразу же приняли характер уличных на-

родных волнений. Они возникли со стихийной силой (начались на Выборгской стороне). В этот день, по официальным сведениям, бастовало 90 000 пролетариев в Петрограде.

Но движение ширилось с громадной быстротой: 24 февраля число бастовавших достигло уже 200 000, 25 февраля — 240 000. Дальше официальная статистика теряет счет, забастовка превращается во всеобщую, охватывая квартал за кварталом и останавливая всюду жизнь.

Восставшие рабочие обнаруживают необычайное упорство и проявляют громадную революционную энергию. Рабочие массы уже не удается, как прежде, „разогнать" войсками и полицией"; на наступление они отвечают энергичным контр-наступлением.

Таким образом, инициативная и ведущая роль пролетариата обнаружилась с первых же шагов революции.

Этот решающий факт был строго обусловлен и исторически закономерен.

Еще в революцию 1905 г. с полной ясностью обнаружилось, что основной движущей силой революции является пролетариат, давший царизму ряд отчаянных боев (октябрьская забастовка и Московское восстание).

Революционная энергия пролетариата снова повышается, начиная с весны 1911 г., усиливаясь в эпоху ленского расстрела. Поднимается огромная стачечная волна 1913 — 1914 гг. и летом 1914 г. уже происходит революционный взрыв: Петербург покрывается баррикадами в момент приезда президента „французской республики" — Кровавого Пуанкарэ.

Но мировая война срывает революцию.

Движение, как будто, началось с того самого места, на котором оно было прервано войной.

Большевистская партия в лице ее петроградских организаций (Бюро Центрального и Петроградского

Комитета) с самого начала революционного взрыва принимает в нем активное и энергичнейшее участие, сознательно углубляя движение и развивая его в сторону вовлечения в него солдатской массы, призывая рабочие массы к братанию с солдатами, ставя ребром вопрос о последней схватке с царизмом, призывая к превращению петроградского движения во всероссийское, развивая громадную политическую агитацию.

Большевистская партия сразу и непоколебимо взяла курс на развертывание движения и его углубление.

Наоборот, в меньшевистских кругах наблюдалась унылая растерянность и пессимизм, а в некоторых руководящих кругах, близких к оборонческим центрам, поговаривали даже, по свидетельству тов. Шляпникова,— о необходимости ликвидировать движение.

С первых же дней движение приняло активный и широкий характер, перерастая формы простой забастовки и вовлекая в свой поток и мелкобуржуазные слои населения,—оно становилось общенародным.

И с первых же дней движения все яснее становился кардинальной важности факт—полной изоляции царизма.

Указывая на неорганизованность и хаотичность народного движения (и, конечно, преувеличивая ее) контрреволюционные зубры со скрежетом зубовным заявляли, что достаточно только одной дисциплинированной роты, чтобы подавить „февралистов“. Увы... следующий же этап движения показал, что даже такой одной дисциплинированной роты не оказалось у царизма в решающий исторический момент.

Настроение армии, конечно, являлось исключительно важным для судеб революции. Полиция Протопопова и Балка явно уже была бессильна справиться с движением.

„Все дело“ было в гарнизоне, находившемся „в распоряжении“ ген. Хабалова, командующего Петроград-

ским военным округом, ибо „для охраны порядка и спокойствия в столице“ „вся полнота власти“ сосредоточивалась, по приказу ген. Хабалова, в руках военного командования.

Социальный состав Петроградского гарнизона был „угрожающим для старого строя“, — это были все запасные части, пополненные, главным образом, из среды столичного пролетариата, с командным составом тоже из запаса.

Наконец, подобно Петроградскому гарнизону, в течение войны изменялся постепенно социальный состав всей многомиллионной армии российской.

Надежды ген. Хабалова оказались построенными на песке: в огромном большинстве солдаты держали себя по отношению к восставшему народу явно сочувственно, проявляя враждебность к полиции. Даже казаки держали себя сдержанно.

За этим первым этапом немедленно последовал второй: началось братание войск с народом, что придало движению необычайную уверенность и энтузиазм.

26 февраля, когда ген. Хабалов решил дать „генеральный бой“ восставшим по „директивам самодержца“, повелевшего „прекратить беспорядки завтра же“, старая власть еще была в силах устроить кровавую баню на улицах Петрограда, но это уже было последнее зверство издыхающего царизма. И оно уже омрачилось для него отказом павловцев стрелять в народ и их разоружением.

В этот день кабинет Голицына „счел за благо“ пустить в ход указ о роспуске Государственной Думы.

В понедельник 27 февраля над головою „самодержца“ грянул гром: восстал Волынский полк, к которому затем присоединились полки Преображенский и Литовский. К восставшим солдатам начали присоединяться и другие части. В распоряжении ген. Хабалова оставалась

только часть города, примыкающая к Зимнему Дворцу, градоначальству и адмиралтейству. Почти весь город был во власти восставших: пулеметные засады городовых беспощадно расстреливались.

28 февраля революция победила в Петрограде окончательно, после сдачи адмиралтейства и Петропавловской крепости. Победил блок рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели.

Либеральные болтуны славили „Великую, светлую, солнечную революцию". Царил разгул „общенациональной фразы", происходило какое-то „всеобщее братание". Правые спешно перекрашивались, заискивая перед революцией, победившей так молниеносно и бесповоротно.

1 марта к перевороту присоединилась Москва.

По всей России воинские части немедленно переходили на сторону народа, и командный состав не пытался оказывать сопротивление.

Армия на фронте встретила революцию восторженно.

Во всю его историческую величину встал вопрос о власти.

Движение трудящихся масс, искавшее организационного центра, нашло его в лице Петроградского Совета Рабочих (а, затем и Солдатских) Депутатов, который фактически принял характер всероссийского центра власти.

Но мелкобуржуазная общественность, которая, кстати сказать, сумела организоваться так же быстро, как и цензовая, думала вовсе не о том, чтобы взять власть в свои руки, а о том, чтобы сделать приемлемым для победоносных трудовых масс глубоко чуждое им и резко классовое буржуазное правительство.

В первые дни крайней неорганизованности и неоформленности движения было естественно и его тяготение к Государственной Думе, где болтуны „прогрессивного

блока" давно призывали с трибуны к образованию „облеченного доверием народа" правительства.

Однако, это был лишь жестокий траги-комический самообман.

Заправилы „прогрессивного блока" встретили революцию с ненавистью и недоверием. Родзянко, осаждая „самодержца" предупредительными телеграммами, делал все от него зависящее, чтобы во-время остановить движение.

Указ о своем роспуске Дума рабски санкционировала, постановив подчиниться ему.

Но когда выяснился колоссальный размах революции, цензовики сделали новую попытку — овладеть движением, которое само насильно навязывало им руководящую роль. На частном совещании законопослушная Дума, наконец, решила образовать „Временный Комитет", сначала лишь с единственной целью — „поддержания сношений с властями и учреждениями".

Временный Комитет Государственной Думы выполнял функции классового центра для организации и собирания буржуазных сил, его „возглавление революции" было политическим миражем.

Размах движения был таков, что правые партии сразу же перестали политически существовать — железная метла революции сразу же смела их в мусорный ящик истории. Парламентская говорильня, с подтасованным депутатским составом, сразу стала далеко превзойденным этапом, отошла в область политических теней. Только среди мертвой зыби и политического безлюдья царизма она оказывалась на поверхности политической жизни.

Процессы, происходившие в глубочайших толщах народных масс, были настолько основательны, размах движения так велик, что фактическая власть находилась в руках трудовых масс. Выявившиеся до конца,

эти процессы позволили поставить крест над „всем буржуазным периодом русской революции", привели к переходу власти в руки подлинных хозяев страны, пролетариата и беднейшего крестьянства.

Но пока единственной организованной с самого начала силой движения была все-таки цензовая либеральная и империалистическая буржуазия, которая только внешне, лицемерно и по необходимости „перешла на сторону народа", и хотя считала конъюнктуру для принятия власти неблагоприятной, но, давно уже добиваясь этой власти, полагала ее „принадлежащей ей по праву первородства".

Революцию пытались остановить Милюковы и Львовы, которые сохранили тайные договоры с „союзниками", которые гнали солдат на продолжение империалистической бойни.

Соглашательские же вожди не хотели и боялись брать власть в свои руки, прикрывая полную растерянность и трусость маской якобы непримиримой „революционности" и „циммервальдизма". Для них непререкаемой догмой был буржуазный характер Февральской революции, и они слепо следовали букве этой мертвой догмы, не понимая животворящего духа революции, мчащейся вперед, ни в эпоху Временного правительства, ни в эпоху коалиции.

Таким образом могло осуществиться то историческое противоречие, что из рук победоносной, всемогущей революции получила власть буржуазия.

Первое Временное правительство было образовано реакционным право-кадетским большинством Думы. Кабинет поэтому почти целиком являлся классовым образованием — организацией современной финансово-капиталистической и империалистической буржуазии.

Соглашательский Исполком Совета ограничился заключением компромиссного соглашения с Временным Правительством в духе опубликованной последним вслед

затем декларации, все пункты которой оно вовсе не намерено было выполнять.

С места в карьер Временное правительство начало саботаж в деле политической амнистии: министр иностранных дел Милюков, „в полном согласии“ с союзными империалистами, ставил всякие препоны возвращающимся в Россию политическим эмигрантам, которые подозревались в „интернационализме“; напротив, социал-шовинисты пропускались на родину услужливо и без задержки. (В частности, Ленин и другие интернационалисты вынуждены были вернуться в Россию через Германию.)

Саботажем же ответило Временное правительство и на второе требование Исполнительного Комитета Р. и С. Д. об объявлении вне закона реакционных генералов. Несмотря на явно контр-революционную деятельность генералов Эверта, Алексеева и Иванова, закон так и не был издан.

Гучков, военный министр Временного правительства, развивает кипучую деятельность, пытаясь „отвоевать армию у революции“. Он принимает меры к тому, чтобы предохранить армию от „пораженческих“ идей и „нарушения дисциплины“, он впервые пускает версию о связи Германского штаба с пропагандой русских пораженцев. Он издает вызывающий приказ, в котором призывает „не слушать сеющих смуту немецких шпионов“.

Жалкий характер носили и все попытки Временного правительства военной силой или путем политических сделок спасти монархию от неизбежной гибели.

Царская ставка сделала попытку послать войско с фронта для усмирения „мятежного Петрограда“. Однако, вызванные с фронта крупные части не стягивались к сроку, а эшелон георгиевских кавалеров и другие части, которые удалось двинуть против восставшей столицы, оказались „ненадежными“. Восставшие

же проявляли такой энтузиазм и противодействие, о которое безнадежно разбилась эта единственная попытка военной силой подавить революцию.

Судьбу романовской династии революция решила быстро, несмотря на все попытки Временного Комитета Государственной Думы спасти ее.

Попытка провозгласить „императором всея России" вел. князя Михаила Александровича, в пользу которого отрекся Николай, — провалилась. Ограниченный до глупости, трусливый, „занимавшийся только конским спортом", — этот хилый отпрыск династии тоже отрекся от престола по вполне шкурническим мотивам, убедившись из разговора с Родзянко, что все, что можно ожидать со стороны „верноподданного народа" — это быть растерзанным вместе со своими немногочисленными сторонниками. И нужно было быть Керенским, чтобы в припадке истерического умиления провозгласить „гражданина Романова"—„благородным человеком".

Монархия рухнула, как подгнившее дерево, и была отметена революцией мимоходом, как негодный хлам.

Временное правительство не преминуло, конечно, сделать попытку спасти династию и одновременно создать за границей мощный центр монархического движения.

По собственному признанию Керенского, „Временное правительство не только смело, но и решило еще в самом начале марта отправить царскую семью за границу".

По признанию Милюкова, „разрешение на выезд покойного государя из России было дано Временным правительством в связи с самым фактом его отречения".

Тайно, за спиной восставшего народа, Временное правительство сделало запрос об этом Англии, на что получило ответ, что „король и правительство будут счастливы предоставить экс-императору России и его семье убежище в Англии до окончания войны". Представители кадетской партии не только в переговорах

с Советом Депутатов требовали „оставить романовскую монархию“, они продолжали свою „глубоко монархическую работу“ и за спиной Совета.

Но на этот раз соглашательский Совет проявил, под напором негодующих масс, вынужденную твердость. Попытка наладить бегство Николая II окончилась так же плачевно, как когда то попытка Людовика XVI. „Святое семейство“ вынуждено было, вместо Лондона, отправиться в Тобольск, прежде чем разделить участь Людовика XVI.

Революция вступала в новый этап.

ЭПОХА ДВОЕВЛАСТИЯ.

Самой характерной особенностью первого докоалиционного периода Февральской революции является фактически установившееся с первых же дней революции двоевластие.

У власти стоял буржуазно-крепостнический блок, но уже под несомненной гегемонией финансового капитала. Буржуазные империалисты, идейным выразителем которых была партия кадетов, вдохновляли всю политику новой власти, а крепостникам старого типа не оставалось ничего другого, как только обслуживать „новых хозяев положения“, потому что только в союзе с ними они еще могли надеяться на реставрацию старых порядков. Временное правительство — „это не случайное сборище лиц“, это были представители класса буржуазии и „просвещенных помещиков“ (помещиков капиталистического типа), класса, который уже давно пробивался к власти, совершенно правильно основывая свои политические притязания на том, что он давно фактически правил страной экономически.

Внешняя политика Временного правительства вполне соответствовала его классовому составу: оно факти-

чески являлось „приказчиком миллиардных фирм Англии и Франции".

В своем „Манифесте" Временное правительство провозгласило, что оно „будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнит заключенные с союзниками соглашения".

„Правительство верит, — гласил „Манифест", — что дух высокого патриотизма, проявившийся в борьбе народа со старой властью, окрылит и доблестных солдат наших на поле брани. Правительство со своей стороны приложит все силы к обеспечению нашей армии всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца".

Отныне война до победного конца (практически означавшая войну до победного „без конца") стала священной догмой для Временного правительства и его министра иностранных дел — Милюкова.

Выходило так, что народ совершил революцию лишь для того, чтобы обеспечить это ведение войны до победного конца, что отныне „повысившаяся ответственность всех и каждого" будет лишь способствовать мобилизации всех сил нации во имя ведения войны и священному единению всех классов общества для этой цели.

Союзные биржи ответили повышением курса рубля на образование правительства империалистических лакеев Антанты.

Рядом с этим правительством возникло новое, еще политически неоформившееся, еще слабое рабочее правительство, выражающее классовые интересы пролетариата и городской и сельской бедноты, правительство добавочное, „побочное", контролирующее, которое, хотя и не имело в своих руках органов государственной власти, однако опиралось безусловно на большинство народа, и при том победоносного народа, на вооруженных рабочих и крестьян.

Это был Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Фактическая власть была в руках этого второго правительства, но все необычайное своеобразие создавшегося положения заключалось в том, что Советы отказывались от власти и добровольно передавали ее буржуазии и созданному ею Временному правительству, ограничиваясь скромной ролью „наблюдателя и контролера".

Однако, соглашательский по своему руководящему большинству Совет уже выдвинул формулу поддержки буржуазного правительства, выражающуюся в знаменитом „постольку-поскольку".

Доверие широких масс рабочих и солдат к Совету было неограниченное. Число членов его в Петрограде быстро росло. 3 марта оно определялось в 1300 человек, а через неделю дошло уже до 2800, из которых было: 800 — рабочих, а остальные — солдаты.

Сеть Советов быстро покрыла всю страну.

Советы были подлинным органом классового представительства трудовых масс, это были зачатки подлинного правительства и подлинного народного правительства, из которых в процессе развития и углубления революции должно было родиться государство совершенно нового типа, еще не виданного в истории.

Но Советы пока не могли еще развить в полной мере все потенциально заложенные в них величайшие возможности, потому что этому мешала политическая неоформленность широчайших масс мелкой буржуазии.

Тотчас же по приезде в Россию тов. Ленин дал блестящий теоретический анализ этого очередного этапа революции.

„Каков классовый состав этого другого правительства? Пролетариат и крестьянство (одетое в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства? Это — революционная диктатура, т.-е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непо-

средственный почин народных масс снизу, не на закон, изданный централизованной государственной властью. Это — власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике обычного до сих пор, господствующего в передовых странах Европы и Америки типа. Часто забывают это обстоятельство, часто не вдумываются в него, а в нем вся суть. Эта власть — власть того же типа, какого была Парижская Коммуна 1871 года.

...„Не хотят видеть очевидной истины, что поскольку эти Советы существуют, поскольку они — власть, постольку в России существует государство типа Парижской Коммуны". Я подчеркнул: „поскольку", ибо это лишь зачаточная власть. Она сама и прямым соглашением с буржуазным Временным правительством, и рядом фактических уступок сдала и сдает позиции буржуазии... Это правительство есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян. Выше, лучше такого типа правительства, как Советы Рабочих, Батрацких, Крестьянских, Солдатских Депутатов, человечество не выработало и до сих пор не знает" (Ленин, „О Двоевластии", т. XIV, ч. I, стр. 24 — 26).

Временный компромисс, соглашение этих двух властей было возможно только потому, что огромные мелкобуржуазные массы были еще некоей „идеологической туманностью", а пролетариат еще не достиг полной ясности классового самосознания.

„Двоевластие выражает лишь переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до „чистой" диктатуры пролетариата и крестьянства. Классовое значение (и классовое объяснение) этого переходного неустойчивого положения состоит в следующем: как и всякая революция, наша революция потребовала величайшего героизма, самопожертвования

массы для борьбы с царизмом, а также сразу втянула в движение неслыханное, громадное количество обывателей.

...Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десять лет, политически забитые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, проснулись и потянулись к политике. А кто такие эти миллионы и десятки миллионов? Большей частью мелкие хозяйчики, мелкие буржуа, люди, стоящие посредине между капиталистами и наемными рабочими. Россия наиболее мелкобуржуазная страна из всех европейских стран.

Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т.-е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику. Мелкая буржуазия в жизни зависит от буржуазии, живя сама по-хозяйски, а не по-пролетарски (в смысле места в общественном производстве), и в образе мыслей она идет за буржуазией.

Доверчиво-бессознательное отношение к капиталистам, худшим врагам мира и социализма, — вот что характеризует современную политику масс в России, вот что выросло с революционной быстротой на социально-экономической почве наиболее мелкобуржуазной из всех европейских стран. Вот классовая основа „соглашения“ (подчеркиваю, что имею в виду не столько формальное соглашение, сколько фактическую поддержку, молчаливое соглашение, доверчиво-бессознательную уступку власти) между Временным правительством и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, — соглашения, давшего Гучковым жирный кусок, настоящую власть, а Совету — посулы, почет (до поры, до времени), лесть, фразы, уверения, расшаркивания Керенских“ (Ленин, „Задачи пролетариата в нашей революции“, т. XIV, ч. I, стр. 40—41).

Временное правительство определило свое отношение к войне, теперь то же предстояло сделать Совету.

Он сделал это в своем знаменитом „Манифесте Совета Рабочих и Солдатских Депутатов к народам всего мира".

Этот манифест ярко отражал всю мелкобуржуазную сущность эс-эров и меньшевиков, политических руководителей Советов.

Он заключал в себе глубочайшее внутреннее противоречие, ставшее первородным грехом всего буржуазно-соглашательского периода революции: циммервальдизм на словах, империализм на деле.

Сначала пышная декламация:

„Трудящиеся всех стран! Братски протягивая вам руки через горы братских трупов, через реки невинной крови и слез, через дымящиеся развалины городов и деревень, через погибшие сокровища культуры, — мы призываем вас к восстановлению и укреплению международного единства. В нем залог наших грядущих побед и полного освобождения человечества".

На деле — приятие империалистической войны, прикрытое маской революционного оборончества.

„Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств как изнутри, так и извне.

Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой".

Церетелли торжественно „поздравлял" рабочих и крестьян, „проявивших величайшую государственную мудрость", добровольно отказавшись от власти и передав ее буржуазии.

„Философия истории" всего февральского периода характеризовалась прежде всего этими двумя основными принципами социал-соглашательской политики:

поддержка буржуазного правительства во имя догмы буржуазного характера революции и приятие войны революционно-оборонческой по форме, но империалистической по существу.

Величайшее противоречие революции, взорвавшее ее с громадной силой, заключалось в этой „философии" руководящего мелкобуржуазного большинства Советов.

Апрельский кризис власти, события 20—21 апреля, были первым крупным выражением этого неисходного внутреннего противоречия.

Народные массы изнывали под бременем непосильной войны и жаждали мира.

Братание на фронте распространялось с чрезвычайной быстротою. И пролетариат, и крестьянство несказанно устали от изнурительной и истребительной войны: в широчайших массах росла стихийная, необоримая воля и тяга к миру, они еще вслепую, но упорно и настойчиво пытались нащупать пути к прекращению бойни.

Между тем, Временное правительство систематически проводило в жизнь свою империалистическую политику.

18 апреля Милюков послал союзным державам ноту о внешней политике России.

Нота заверяла „доблестных" союзников: „Россия освобожденная может в настоящее время заговорить языком, понятным для передовых демократий современного человечества, и она спешит присоединить свой голос к голосам своих союзников. Проникнутые этим новым духом освобожденной демократии заявления Временного правительства, разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого. Это стремление стало более действенным".

В ответ на это рабочие массы и революционный гарнизон Петрограда выступили стихийно, а этим выступлением они демонстрировали свое недоверие Временному правительству, под лозунгами:

„Долой Милюкова", „Милюков в отставку", „Мир без аннексий и контрибуций".

Мощные манифестации рабочих и солдат с протестом против империалистической политики Временного правительства захватили и Москву, и ряд других городов.

Их высылала народная стихия, они никем организационно не подготавливались.

Буржуазно-империалистическая революция получила первое грозное предостережение масс.

КОАЛИЦИОННЫЙ ПЕРИОД.

Два основных пути дальнейшего развития революции наметились уже после апрельского кризиса власти.

Буржуазия явно тяготела к военной диктатуре, которая должна была утвердить ее классовую диктатуру.

Второй путь вел к революционной диктатуре пролетариата в союзе с трудовыми массами крестьянства.

Соглашатели постарались уклониться от прямого ответа: они пошли по третьему пути и выдвинули идею коалиционного правительства.

Отставка Милюкова и единоличный уход Гучкова осложнили кризис власти. В своем обращении к Чхеидзе премьер Львов поднимал вопрос о коалиции.

Экстренное заседание Исполкома Совета 1 мая большинством голосов меньшевиков и народнических партий высказалось за коалиционное министерство, и после этого начался торг из-за кандидатур.

Большевики в этот исторический момент заявили, что „спасение России может быть обеспечено лишь ря-

дом революционных мер во внутренней и внешней политике, которые могли бы быть решительно и искренно проведены в жизнь лишь при переходе всей власти к Советам Рабочих и Солдатских Депутатов.

Наконец, партия большевиков неустанно вела терпеливую разъяснительную пропаганду среди рабочих и солдатских масс, еще пребывавших в плену мелкобуржуазной идеологии партий эс-эров и меньшевиков.

Соглашательскими партиями совместно с Временным правительством были выработаны условия вхождения „социалистических" министров в состав Временного правительства.

Условия эти были следующие:

1) Деятельная внешняя политика, ставящая своей целью скорейшее заключение всеобщего мира без аннексий и контрибуций.

2) Демократизация армии.

3) Борьба с разрухой.

4) Всесторонняя защита труда.

5) Аграрная политика, подготовляющая переход земли в руки трудящихся.

6) Устройство финансовой системы на демократических началах.

7) Укрепление демократического самоуправления.

8) Скорейший созыв Учредительного Собрания.

За чечевичную похлебку этой б у м а ж н о й резолюции „социалисты" продавали право своего социалистического первородства, буржуазные же дельцы вполне справедливо полагали, что при умелой политике нажима от этой широковещательной программы останутся лишь „рожки да ножки".

5 мая коалиционный кабинет сформировался в следующем составе:

1) Министр-председатель и министр внутренних дел — князь Г. Е. Львов.

2) Министр иностранных дел — М. И. Терещенко.

3) Министр путей сообщения — Н. В. Некрасов.

4) Министр торговли и промышленности — А. И. Коновалов.

5) Министр народного просвещения — А. А. Мануйлов.

6) Министр финансов — А. И. Шингарев.

7) Министр государственного призрения — князь Д. И. Шаховской.

8) Обер-прокурор св. синода — В. Н. Львов.

9) Государственный контролер — И. В. Годнев.

Такова была буржуазная гвардия коалиционного кабинета, составлявшая притом абсолютное большинство в нем. Это была все та же „стая славных" империалистических орлов, заранее дававшая тон новому правительству.

„Сливки революционной демократии" были представлены рядом бесхарактернейших фигур социал-соглашательства.

10) Военный и морской министр — А. Ф. Керенский.

11) Министр юстиции — П. Н. Переверзев.

12) Министр земледелия — В. М. Чернов.

13) Министр почт и телеграфов И. Г. Церетелли.

14) Министр труда — М. И. Скобелев.

15) Министр продовольствия — А. В. Пешехонов.

Буржуазия, прикрывшись демократическими ширмами, готовилась начать крупную контр-революционную игру. Демократической половине коалиционного правительства предстоял бесславный путь постепенной капитуляции и сдачи всех своих основных позиций.

Собравшийся в начале июня Всероссийский Съезд Советов, конечно, ничего н о в о г о в политическую обстановку н е м о г внести.

На этом Съезде соглашатели еще более заострили свою оборонческую тактику.

Церетелли заявил: „Революционная демократия желает, чтобы наша армия была приведена в полную бое-

вую готовность, чтобы наша армия, если это окажется нужным, могла бы перейти в наступление.

Съезд одобрил „действия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, нашедшего выход из кризиса 20—21 апреля в создании коалиционного правительства на основе решительной (!) и последовательной (!) демократической платформы в области внешней и внутренней политики".

Съезд выражал уверенность в том, что, „пока министры-социалисты остаются в составе Временного правительства, это правительство действует в согласии с демократией и потому должно пользоваться деятельной поддержкой всех демократических сил страны и всей полнотой власти".

Но это был самообман и обман масс.

По вопросу о войне Съезд признал, что, „пока войне международными усилиями демократии не положен конец, русская революционная демократия обязана всемерно содействовать усилению боевой мощи нашей армии и способности ее к оборонительным и наступательным действиям. В частности Съезд полагает, что вопрос о наступлении должен быть решаем исключительно с точки зрения чисто стратегической".

Тем самым соглашатели выдавали революционную армию с руками и ногами в распоряжение махрово империалистической корниловской ставки, а всю русскую революцию — на произвол империалистической Антанты.

Большевистская партия ответила на вызов, дав характеристику коалиционного правительства. Резолюция большевиков о власти, внесенная на Съезде 8 июля, говорит:

„Второе коалиционное правительство заслонило контрреволюционную буржуазию от народа „социалистическими" министрами, которые оказались самым удобным для эксплуатирующих классов орудием, чтобы оттянуть разрешение всех коренных вопросов внутренней и внеш-

ней политики, поскольку решительная революционная постановка этих вопросов должна была бы затронуть на деле интересы русского и союзного империалистического капитала. „Социалистические“ министры оказались прикрывающими, посредством ни к чему не обязывающих обещаний, ту же самую империалистическую буржуазную политику. Пользуясь этим прикрытием, буржуазия явно перешла к борьбе с революцией и открыто, от имени третьеиюньских контр-революционеров, провозгласила лозунг „немедленного наступления“. Такое наступление означало бы не только переход к активной империалистической политике, но и решительный поворот к контр-революции во всей внутренней политике“.

Тем не менее, самым „важным“, историческим делом коалиционного правительства была именно организация безумного и преступного военного наступления на фронте 18 июня.

Наступление подготовлялось давно и систематически. Контр-революционная ставка и буржуазия надеялись путем военной авантюры „сыграть“ на разложении армии, вызываемом всем внутренним и международным положением страны, всячески внушая вождям мелкобуржуазной „революционной демократии“, будто самый факт наступления способен „возродить“ армию.

Наступление 18 июня означало величайший поворотный пункт в истории Февральской революции. Соглашательская демократия, поддерживавшая коалицию, своей поддержкой военного наступления обнаружила свой полный идеологический крах и свою окончательную капитуляцию перед бешеным натиском союзных и отечественных империалистов.

Армия явно была неспособна к наступлению — измученная физически, расхлябанная материально. Но самое главное — безошибочный революционный инстинкт подсказывал массам, жаждавшим мира, что его достижение

возможно только на пути решительной революционной борьбы трудящихся всех наций со своими империалистическими правительствами.

В своем „Воззвании к армии“ Всероссийский Съезд Советов возвещал, что „наступление начато в целях приближения всеобщего мира“.

На деле же это было выполнение наглых требований Бьюкененов, Ллойд-Джорджей и Пуанкарэ, которые настойчиво требовали уплаты живым „пушечным мясом“ за свои миллиарды.

На деле революционная армия России была послана на убой во имя интересов империалистов Антанты.

На это безумное дело соглашатели истратили последние остатки своего влияния на массы.

Наступление, предпринятое в целом в колоссальных размерах: на Юго-западном, Западном, Северном и Румынском фронтах, — сопровождавшееся сначала частичными успехами, в конечном счете привело к неслыханному разгрому армии.

Буржуазная пресса открыла бешеную травлю против большевиков, обвиняя их в „разложении армии“ и в „предательской работе по директивам германского штаба“.

Но сами массы революционной столицы в демонстрации 18 июня красноречиво показали, на чьей стороне их симпатии.

Полумиллионная масса рабочих Петрограда вышла на улицы с лозунгом: „Против политики наступления“.

Это была чисто пролетарская демонстрация, главными ее участниками были рабочие и солдаты. Буржуазия и соглашатели попрятались.

Громадное большинство демонстрантов шло под лозунгами большевиков: „Долой союзных империалистов“, „Долой 10 министров-капиталистов“, „Против расформирования полков“, „Против разоружения полков“,

"Немедленное опубликование договоров", „Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с английскими и французскими капиталистами".

„Демонстрация 18 июня стала демонстрацией сил и политики революционного пролетариата, указывающего направление революции, указывающего выход из тупика. В этом гигантское историческое значение воскресной демонстрации"... „Довольно колебаний, — говорил авангард пролетариата, авангард рабочих и солдатских масс России. Довольно колебаний. Политика доверия капиталистам, их правительству, их реформаторским потугам, их войне, их политике наступления, — эта политика безнадежна. Крах ее недалек. Крах ее неизбежен. Это будет и крах правящих партий эс-эров и меньшевиков. Разруха надвигается все ближе. От нее нельзя спастись иначе, как революционными мерами стоящего у власти революционного класса" (Ленин, „18 июня", т. XIV' ч. I, стр. 278 — 279).

Уход кадетов из коалиционного министерства окончательно взорвал коалицию „первого призыва".

Буржуазия хотела всю тяжкую ответственность за совершенное преступление возложить на плечи социал-соглашательских дурачков, взорвать коалицию для того, чтобы поставить в порядок дня диктатуру своего класса.

Кадеты демонстративно ухватились за выступление Рады, как за новый повод для выявления своей политики великодержавности.

И действительно: пора уже было бежать от ответственности.

К чему привело в конце концов „хозяйничанье" Временного правительства и первого и коалиционного „призывов", об этом поведал широким массам VI Съезд РСДРП (большевиков) устами своего докладчика тов. Милютина:

„Если еще два месяца, месяц и даже две недели тому назад, — говорил тов. Милютин, — мы могли гово-

рить, что экономическая катастрофа надвигается, то настоящий момент характеризуется наступлением этой катастрофы. Получившиеся сведения о том, что 77 предприятий Донецкой области уже приостановлены, показывают, что начался уже самый процесс катастрофы. Эта катастрофа уже давно подготовлялась. В области финансовой у нас такое положение, что если все национальное богатство оценивается в 70 миллиардов, то наш государственный долг к 1 января будет равняться 60 миллиардам. В 1915 г. война стоила 10 миллиардов, в 1916 г. — 19 миллиардов, в первое полугодие 1917 г. — уже $10^1/_2$ миллиардов, и можно рассчитывать, что к 1 января, если война будет продолжаться, расходы на нее за этот год достигнут свыше 20 миллиардов.

Таким образом, одних процентов придется платить $3^1/_2$ миллиарда. Если исчислять доходы 1917 г. в 5800 милл. рублей, при обыкновенных расходах в 4 миллиарда, то ясно станет, что финансовое банкротство страны уже налицо. Перед нами встает вопрос об объявлении государственного банкротства, т.-е. об отказе от платежей по займам.

Что касается области производства, то, согласно последнему докладу Бернацкого, металлургическое производство сократилось на 40%, в текстильной промышленности — на 20%. Если мы вспомним, что текстильная промышленность все годы войны работала на армию, и теперь все будет итти на фронт, то стране скоро не во что будет одеваться.

Весь национальный доход в 1915 г. можно исчислять в $11^1/_2$ миллиардов, из них на войну шло 6 миллиардов.

Вот те объективные условия, которые подготовляют крах в области производства.

В области продовольствия мы стоим накануне голода. Центральный промышленный район не обеспечен своим урожаем, но и наиболее плодородные губернии Поволжья не могут выбросить на рынок необходимое для страны количество хлеба. У нас, в Петрограде, запас хлеба на 10 дней, а в других городах не больше чем на 20 дней. Если бы не было железнодорожной разрухи, это не было бы опасно, но так как уже половина паровозов больны, подвижной состав на фронте, недостает топлива, — то это означает возможность самого настоящего голода. Два фактора приведут к голоду: 1) полный неурожай в Поволжье, 2) расстройство железных дорог. Создаются такие условия транспорта, при которых можно сказать, не преувеличивая, что страна стоит накануне экономической гибели. Голодные бунты в городах, отрезанных один от другого, — факты недалекого будущего".

Таково было экономическое положение страны, когда контр-революция уже была окрылена надеждой, что революция утонет в море разрухи, что „костлявая рука голода" схватит за горло „бунтующих рабов". К экономической катастрофе страну вела сознательная политика злостного саботажа буржуазии и дряблая бесхарактерность социал-соглашателей.

Партия большевиков заклеймила эту подлую политику буржуазии. Она констатировала, что „экономическая политика капиталистов была одним из серьезных факторов экономического развала; борясь с растущим влиянием рабочих организаций, капиталисты саботировали производство. Саботаж вылился в определенную систему, зафиксированную как съездом промышленников, так и кадетским съездом".

Между тем, у социал-соглашателей не было никакой системы, которая дала бы возможность бороться с эко-

номическим кризисом, все их экономические мероприятия были такого же соглашательского, компромиссного характера, как и в политической области.

Скобелев грозился конфисковать 100% прибыли капиталистов, „селянский министр“ Чернов пришел в министерство со своей программой „социализации земли“, „политический младенец“ эн-эс Пешехонов говорил о „капитуляции буржуазии“, но на деле коалиция кончила полной экономической капитуляцией перед буржуазией.

На деле царил экономический террор буржуазии, „итальянская забастовка“ предпринимателей и злостные локауты, выбрасывавшие на мостовые громадные массы безработных.

„Социализация земли“ на деле свелась к карательным экспедициям в деревню, разгону земельных комитетов, аресту и расстрелу революционных крестьян.

Наконец, соглашатели 21 июля открыто и сознательно отреклись от всякого экономического контроля Советов над Временным правительством и немудрено, что в конце концов они могли только констатировать „полное бездействие и бессилие всех государственных органов контроля“.

Коалиция трещала по всем швам. Запахло порохом. Приближались Июльские дни.

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ.

Позорный крах буржуазно-соглашательского правительства обнаружился с полной ясностью перед лицом самых широких народных масс.

Недовольство масс достигло крайних пределов и клокочущая ненависть их только ждала повода к внешнему выражению.

Кризис власти, выразившийся в провокационном уходе из правительства кадетов, наконец, развязал революционную энергию масс.

Уходом кадет тактика саботажа революции достигла своего апогея. Это был хорошо обдуманный, основанный на циничном расчете провокационный политический ход.

Но рабочие и солдаты Петрограда уже поняли преступность политики Временного правительства и меньшевистски-эс-эровского союза.

Чаша терпения рабочих и солдатских масс переполнилась.

Массы столицы рвались на улицу.

Центральному Комитету партии большевиков с трудом приходилось удерживать массы от выступления, зная, что в этот момент провинция и фронт еще верили соглашателям, а одна столица не сможет удержаться.

Возмущение было громадное.

Рабочие и солдаты выступили стихийно с оружием в руках, объединенные единодушным стремлением — передачи всей власти Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, устранения и ареста министров-капиталистов.

Делегаты от заводов и воинских частей стали являться в Совет с ультимативными требованиями взять власть в свои руки, свергнуть министров-капиталистов, прекратить наступление.

Петроград превращался в вооруженный лагерь.

Путиловцы подошли к Таврическому дворцу, заявив, что „не разойдутся, пока соглашательский ВЦИК не разрешит вопроса о власти".

4 июля пришли в полном вооружении войска из Кронштадта.

События достигли крайнего напряжения, когда на Садовой по манифестантам была открыта стрельба явно провокационного характера.

В этот момент вечером открылось объединенное заседание ВЦИК и Исполкома Советов.

Соглашатели объявляют манифестацию контр-революционной.

На этом собрании грозно прозвучали боевые речи делегатов от рабочих и солдат:

„Странно, когда приходится читать воззвание ВЦИК— рабочие и солдаты называются контр-революционерами. Наше требование — общее требование рабочих — вся власть Советам Рабочих и Солдатских Депутатов. Это требование вам и предъявлено. Факт совершившийся. И с этим надо считаться".

„Вы видите, что написано на плакатах. Таковы решения, вынесенные рабочими. На заводах нам грозит голод. Мы требуем ухода 10 министров-капиталистов. Мы доверяем Совету, но не тем, кому доверяет Совет. Наши товарищи министры-социалисты пошли на соглашение с капиталистами, но эти капиталисты — наши кровные враги. Мы требуем, чтобы немедленно была взята земля, чтобы немедленно был учрежден контроль над промышленностью, мы требуем борьбы с грозящим нам голодом".

„Масса своим чутьем видит, что положение страны безвыходное. Перед вами не бунт, а вполне организованное выступление. Мы требуем перехода земли к крестьянам. Мы требуем, чтобы были отменены приказы, направленные против революционной армии. Мы требуем принять все меры борьбы с саботажем и локаутами промышленников и капиталистов. Необходимо установить контроль над производством. Пока соглашательская политика с буржуазией будет продолжаться, не может быть успокоения в стране. Довольно отогревать эту гадину за пазухой. Сейчас, когда кадеты отказались с вами работать, мы спрашиваем вас, с кем вы еще будете сторговываться? Мы требуем, чтобы власть перешла в руки Всероссийского

Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов".

В ответ на этот взрыв соглашательский Исполнительный Комитет готовил кровавую расправу с „вооруженными бандами".

В столицу уже начали прибывать вызванные с фронта карательные войска.

Этот замысел был разбит правильной тактикой большевистской партии. Партия пролетариата, прекрасно учитывавшая положение, повела единственно целесообразную в данных условиях тактику: она решительно вмешалась в выступление, чтобы придать ему мирный и организованный характер выявления воли революционных масс, не задаваясь целью вооруженного захвата власти.

Партия пролетариата не могла умыть руки и перед лицом громадного выступления пролетариата и солдат „отойти в сторонку", партия большевиков вмешалась в события, чтобы охранить движение от грозивших ему ужасов расправы.

Центральный Комитет партии, Петроградский Комитет и военная организация развивали кипучую деятельность в этом направлении и цель была достигнута.

Тщетно соглашатели объявляли большевиков „изменниками революции", они не могли этим прикрыть своего собственного предательства и измены.

На экстренной конференции Петроградской организации РСДРП(б) 16—17 июля 1917 г. в политическом отчете ЦК тов. Сталин дал яркую картину подготовки соглашателями кровавой бойни, сорванной партией большевиков.

„5 июля объявили военное положение, организовался штаб, и все передали военной клике. Мы, борясь за полновластие Советов, попали, таким образом, в положение вооруженного противника Советов. Создалась

картина, при которой войска большевиков могли оказаться против войск Совета. Нам принимать бой при таком положении было бы безумием. Мы говорили руководителям Советов: кадеты ушли, блокируйтесь с рабочими, пусть власть будет ответственна перед Советами. Но они сделали вероломный шаг, они выставили против нас казаков, юнкеров и громил, и некоторые полки, обманув их, что мы идем против Советов. Само собою разумеется, мы не могли принять при таких условиях боя, на который толкали нас меньшевики и эс-эры, и решили отступить.

5 июля состоялись переговоры с Центральным Исполнительным Комитетом в лице Либера. Либер поставил условие: мы, т.-е. большевики, снимаем броневые автомобили от дворца Кшесинской, матросы уезжают в Кронштадт. Мы согласились на том условии, что Совет охраняет наши партийные организации от возможного разгрома. Либер от имени Центрального Исполнительного Комитета уверил, что наши условия будут исполнены, что дворец Кшесинской будет в нашем распоряжении до тех пор, пока нам не будет предоставлено постоянное помещение. Мы выполнили свои обещания. Броневые автомобили были сняты, кронштадтцы согласились уехать обратно, но только с оружием в руках. Центральный же Исполнительный Комитет ни одного своего обязательства не выполнил. 6 июля Кузьмин по телефону к Кшесинской передал требование, чтобы через $^3/_4$ часа дворец Кшесинской и Петропавловская крепость были очищены, в противном случае Кузьмин грозил двинуть вооруженные силы. Центральный Комитет решил всеми силами избегать кровопролития. Центральный Комитет делегировал меня в Петропавловскую крепость, где удалось уговорить присутствующих матросов не принимать боя, так как положение повернулось таким образом, что мы стоим не против контр-революции, а против Советов. В качестве представителя Цен-

трального Исполнительного Комитета я еду с Богдановым к Кузьмину, у него все готово к бою: артиллерия, кавалерия, пехота. Мы уговариваем его не применять вооруженной силы. Кузьмин недоволен, что „штатские своим вмешательством всегда ему мешают", и неохотно соглашается подчиниться настоянию Центрального Исполнительного Комитета. Для меня очевидно, что военные эс-эры хотели крови, чтобы „дать урок" рабочим, солдатам и матросам. Мы помешали им выполнить свое желание" (Сталин, И. „На путях к Октябрю", стр. 66—67).

Контр-революционная буржуазия ликовала и праздновала триумф.

„Вооруженные банды" не дали себя разгромить одним ударом, зато на революцию началось бешеное систематическое наступление.

Была пущена в ход грязная клевета, что Ленин — германский шпион. Ее сфабриковал ренегат Алексинский, не допущенный в Советы, как грязный клеветник. „Социалистический" министр Переверзев не преминул ее немедленно опубликовать с целью, как он потом признался, — „вызвать ярость солдат" против вождей большевиков.

Был издан приказ об аресте Ленина и Зиновьева, которые вынуждены были перейти на нелегальное положение.

Начались самочинные обыски и разгромы рабочих и социалистических организаций, инициатива которых исходила из штаба Петроградского военного округа, которые напоминали „те же самые приемы безумной военной власти, какие практиковались во времена реакции".

В столицу сознательно были вызваны наиболее „консервативно настроенные" воинские части — юнкера, казаки, уланы, драгуны и пр., которые вели себя крайне вызывающе и агрессивно.

Была арестована вся делегация Балтийского флота. В это время арестованы были виднейшие вожди большевистской партии.

На улицах „весьма интеллигентные люди вели ультра-антисемитскую агитацию".

Арестованные рабочие, солдаты и матросы избивались прикладами, шло массовое разоружение их.

Апофеозом был варварский разгром редакции „Правды", где рабочие и служащие были избиты, и разгром типографии „Труд", где были разрушены наборная и машинное отделение.

Город был во власти контр-революционных бандитов.

Революция — у великого перелома.

„Кто попытается исторически оценить 3 и 4 июля, тот не сможет закрыть глаз на полнейшую однородность этого движения с движением 20 и 21 апреля.

В обоих случаях стихийный взрыв возмущения масс.

В обоих случаях выход вооруженных масс на улицу.

В обоих случаях перестрелка между манифестантами и контр-манифестантами, при известном (приблизительно одинаковом) числе жертв с обеих сторон.

В обоих случаях противоправительственная манифестация особого вида связана с глубоким и длительным кризисом власти.

... Различие между обоими движениями в том, что второе гораздо острее первого, и в том, что партия эсэров и меньшевиков, нейтральная 20 и 21 апреля, запуталась с тех пор в своей зависимости от контр-революционных кадетов. (Через коалиционное министерство и через политику наступления эс-эры и меньшевики оказались поэтому 3 и 4 июля на стороне контр-революции.)

... Движение 3 и 4 июля было последней попыткой путем манифестации побудить Советы взять власть. С этого момента Советы, т.-е. господствующие в них

эс-эры и меньшевики, фактически передают власть контр-революции, представляемой кадетами и поддерживаемой эс-эрами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контр-революции, либо новая революция" (Ленин, „Ответ" т. XIV, ч. II, стр. 49 — 50).

Революция стояла на распутьи: обе дороги — одна вправо, другая влево—вели к диктатуре либо буржуазии, либо пролетариата.

БОНАПАРТИЗМ И НАСТУПЛЕНИЕ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ.

Разоружая рабочие и солдатские массы и вооружая контр-революцию, соглашатели рыли революции могилу. Вооружаемая контр-революция получала в свои руки фактическую власть, она могла теперь, следовательно, диктовать свои условия при сформировании нового правительства.

Победа контр-революции выразилась в форме установления диктаторского режима Керенского.

Когда, наконец, кадеты согласились войти в правительство на условиях, означавших полную капитуляцию демократии, образовалось „независимое министерство". Министры его не должны были зависеть ни от кого, „кроме своей совести". Фактически это означало, что они освободились, наконец, от своей зависимости от Советов.

Керенский и „независимое правительство" осуществляли уже диктатуру буржуазии.

Назначение Керенского министром - председателем „с сохранением за ним портфелей военного и морского министров", означало начало единоличной диктатуры Керенского.

Меньшевистско-эс-эровский ВЦИК и Исполком ВСКД расписались в своем полном бессилии, признав за новым правительством неограниченные полномочия для восстановления организации и дисциплины в армии, решительной борьбы со всякими проявлениями контр-революции и анархии и для проведения всей той программы положительных мероприятий, которая была намечена декларацией к народу (активная внешняя империалистическая политика и железный режим для собственного народа).

Этим самым соглашатели уже приобщались к таинству „бонапартистского действа".

Они объявили Временное правительство — „правительством спасения революции". Но в историю оно вошло лишь в качестве правительства спасения от революции".

Окончательно кабинет, наконец, оформился лишь 25 июля, как „министерство первых шагов бонапартизма", как „кабинет убежденных сторонников буржуазной демократии".

Аресты большевиков и закрытие большевистских газет продолжались при деятельном участии соглашательского ВЦИК'а.

Насилия и безобразия не прекращались.

Погромная агитация усиливалась.

Контр-революция производила открыто смотр и мобилизацию своих сил.

Петроградская конференция большевиков в своем воззвании констатировала: „Обыски и разгромы, аресты и побои, истязания и убийства, закрытие газет и организаций, разоружение рабочих и расформирование полков, роспуск Финляндского сейма, стеснение свобод и восстановление смертной казни, разгул громил и контр-разведчиков, ложь и грязная клевета, — все это с молчаливого согласия эс-эров и меньшевиков, — таковы первые шаги контр-революции".

В стране шли аресты земельных комитетов, против потерявших терпение крестьян организовывались карательные экспедиции.

На фронте шла вакханалия расстрелов и усмирений.

В вопросе о войне новое правительство заняло вполне недвусмысленную позицию. Прежде всего, оно приняло участие в срыве Стокгольмской конференции международным империализмом.

Вновь возвещалось наступление на фронте и война до победного конца.

Созыв Учредительного Собрания был отложен до 28 ноября.

Происходили массовые закрытия предприятий и массовые локауты.

В июле состоялся съезд предпринимательских организаций, выделивший „главный комитет объединенной промышленности", который выбросил лозунг „восстановления порядка на фабриках и заводах" и „железной дисциплины в тылу и на фронте".

Миллионер Рябушинский выступил на этом съезде с программной речью, выражающей чаяния капиталистов. Господа капиталисты нашли, что пришло время распоясаться. Теперь капитал мог уже недвусмысленно квалифицировать своих коллег по коалиции.

„Наше Временное правительство, — сказал Рябушинский, — которое представляло собою какую-то видимость власти, было под давлением посторонних людей. У нас фактически воцарилась шайка политических шарлатанов".

„Советские лже-вожди народа направили его на путь гибели, и вот все русское царство стало перед зияющей бездной".

Отрицать надвинувшуюся разруху вождь капиталистов, конечно, не мог:

„Мы пришли в какой-то тупик, из которого не можем выбраться. Продовольственный вопрос испортился

окончательно, экономическая и финансовая жизнь России пришла в расстройство".

Но, умалчивая об истинных вдохновителях разрухи, саботажниках капитала, он обвиняет в ней, конечно, „товарищей" „расточителей", на которых призывает „наложить опеку" (читай, ввести диктатуру).

„Стонет русская земля от их товарищеских объятий, пока народ их не понимает, но как скоро поймет, он скажет: „обманщики народа".

Выход из „тупика" господа капиталисты уже наметили:

„Государство не дало населению ни хлеба, ни угля, ни мануфактуры. Может быть, для выхода из положения потребуется костлявая рука голода, народная нищета, которая схватила бы за горло лже-друзей народа, демократические советы и комитеты".

Капитал намечал новую, еще более грандиозную провокацию. Страну, которая и без того стонала под бременем разрухи, он мечтал довести „до последней черты". Схватить революционный народ за горло „костлявою рукою голода", ввергнуть его в бездну нищеты.

Это значило, что локауты будут продолжаться, фабрики и заводы закрываться. Безработица и голод будут создаваться искусственно для того, чтобы доведенные до отчаяния массы преждевременно вышли на улицу, где с ними можно „успешнее расправиться".

Буржуазия готовилась дать бой поднимающемуся к власти рабочему классу — бой за власть.

К перевороту контр-революция готовилась и открыто и тайно.

Нужно было создать только какой то „общенациональный центр" контр-революции, где могли бы объединиться под маркой общенациональных интересов все „партии порядка".

Правительство усиленно занялось поисками подобного „центра".

Сначала оно усиленно старалось возродить Государственную Думу, торжественно объявленную соглашателями „политическим мертвецом“. И действительно, „подозрительная покойница“, воскресшая к новому контр-революционному бытию, проявляла кипучую деятельность: „порозовевшие покойнички“ яростно готовились принять деятельное участие в „удушении“. Однако, Временный Комитет Государственной Думы был влиятелен лишь в глазах реакционных кругов, для широких масс Государственная Дума была уже подлинным политическим трупом.

Чтобы создать опору „твердой и сильной власти“, была придумана комедия некоего „земского собора“, долженствовавшего под маской обманчивого „демократизма“ фальсифицировать волю „нации“ и окончательно освободить правительство от какой бы то ни было зависимости от Советов.

Так явилось 12 августа „Государственное Совещание“ в Москве.

Каков был этот „голос нации“, этот „великий собор“, видно по его составу, который был определен приблизительно в 2000 членов.

От Исполнительного Комитета Р. и С. Д. приглашалось 100 членов и по стольку же от Совета Крестьянских Депутатов и от фронта. Этим 300 чел. противополагались 300 членов Государственной Думы всех четырех созывов. Остальные 400 членов первой тысячи приглашались от городских и земских самоуправлений. Затем 120 членов от торгово-промышленных организаций, 100 от сельскохозяйственных обществ и организаций землевладельцев, 100 от универсантов и высших учебных заведений и т. д.

„Спасители родины“ возлагали на „великий собор“ поистине великие надежды. Атаман Терского казачьего войска Караулов выражал надежду, что „Московское совещание окажется не только жизненным органом, но

имеет шансы на весьма долгое и яркое существование".

Этим надеждам суждено было отцвести, не успевши еще расцвесть.

Мощный отпор масс заставил заговорщиков „отложить заговор (хотя не отменить его)".

Попытка опереться на совещание для провозглашения военной диктатуры была бита.

Комедия „Государственного Совещания" в Москве не могла обмануть революционного инстинкта масс, которые поняли, что истинной целью „Государственного Совещания" является организация Всероссийского центра контр-революционной буржуазии.

Партия большевиков призвала Московский пролетариат встретить всеобщей стачкой всероссийский слет черных воронов контр-революции: „пусть погаснет электричество, пусть окруженное тьмой будет заседать собрание мракобесов контр-революции".

К призыву Центрального Комитета присоединились соединенное собрание правлений 41 профсоюза в Москве, Петроградская конференция фабрично-заводских комитетов и другие пролетарские организации.

Несмотря на то, что эс-эры и меньшевики из Московского Совета пытались сорвать грозную манифестацию масс, постановив „отменить гибельную для революции стачку", 600 000 организованных пролетариев Москвы стачкой и резкими резолюциями протеста „приветствовали" Московское совещание: фабрики стояли, трамваи не ходили.

В этот момент соглашатели не нашли ничего лучшего, как „лишить большевиков права быть на Московском совещании, считая, что они своим поведением сами выключили себя из состава делегации ВЦИК". Соглашатели справедливо боялись, что своим резким выступлением и разоблачениями большевики испортят контр-революционную обедню.

Правительство бежало из революционного Петрограда в Москву, надеясь создать из нее контр-революционный центр, подобно тому, как велась работа контр-революции на Дону. Теперь „Московский пролетарий" в день открытия совещания иронически спрашивал правительство: „Что же? Опять бежать? Из Петрограда в Москву, а из Москвы куда?"

В оперном зале большого Театра Москвы совещание открылось долженствовавшей быть грозной речью Керенского. „Он угрожал" „железом и кровью" „посягателям, которые уже раз пытались поднять вооруженную руку на власть народную", грозил поставить их „за пределы досягаемости"' „заставить преступников вспомнить, что было в старину самодержавия".

Министры правительства невольно говорили о надвинувшейся вплотную разрухе: о тяжелом продовольственном положении (Прокопович), о миллиардах бумажных рублей и о необходимости экономии (Некрасов).

13 августа состоялся „триумфальный въезд в Москву" кандидата в Кавеньяни или Галиффе „доблестного генерала" Корнилова.

„Корнилов—пишет „Социал-Демократ"—по описанию „Русского Слова"—был встречен рядом депутаций, осыпан цветами, приветствуем криками „у р а". Разъезжал ген. Корнилов с огромной свитой и прежде всего отправился помолиться у Иверской. Опять, как две капли воды, похоже на приезд высочайшей особы. Кроме лиц „официальных", среди которых любопытно отметить нашего городского голову эс-эра Р у д н е в а, ген. Корнилова встретили: казачий атаман К а л е д и н, кадет Р о д и ч е в, М а н с ы р е в (правый к-д), Х а н е н к о (крупный промышленник). 13 августа ген. Корнилов обедал с Калединым и принял: М и л ю к о в а, Ю р е н е в а, двух банковских тузов, королей нашего финансового капитала,— В ы ш н е г р а д с к о г о и П у т и л о в а. Оба представителя банков сделали ген. Корнилову доклад о финансовых

затруднениях страны. Из других гостей ген. Корнилова интересно отметить Пуришкевича. Был у кандидата в диктаторы еще докладчик по иностранным делам — Аладьин, только-что приехавший из-за границы".

По описанию Деникина, миллионерша Морозова упала перед ним на колени.

„Почетный караул" из юнкеров, ударниц и Оренбургских казаков встретил его на вокзале. Гремел оркестр музыки, сыпались цветы, офицеры понесли его на руках к автомобилю.

Родичев заявил в „пламенной речи": „Вы теперь символ нашего единства. На вере в Вас мы сходимся все, вся Москва. И верим, что во главе обновленной русской армии вы поведете Русь к торжеству над врагом, и что клич: „да здравствует генерал Корнилов",—теперь клич надежды, — сделается возгласом народного торжества. Спасите Россию, и благодарный народ увенчает Вас!".

Обывательщина, лабазники, „интеллигенция" ликовали: кандидат в Галиффе вполне соответствовал их упованиям: тупой, упрямый, злобно дикий, не остановившийся перед чудовищной провокацией сдачи Риги и казанских взрывов, он был „на высоте исторического момента", он был готов не только „путем расстрела 50 тысяч февралистов задешево купить спасение России", он не остановился бы и перед тем, чтобы купить его и более дорогою ценою повторения „майской недели коммуны" в каких угодно увеличенных размерах.

В своей речи на совещании ген. Корнилов квалифицировал армию как „обезумевшую толпу", требовал восстановления „железной дисциплины", пугал темными намеками на потерю Риги, Молдавии и Бессарабии.

Союзники в лице сэра Бьюкенена проявили „огромный интерес к совещанию. Американские миллиардеры ответили на совещание 5-миллиардным займом, видя, наконец, возможность раздавить русскую революцию руками наемных генералов.

Оглашенная Чхеидзе декларация „революционной демократии“ являлась сдачей всех ее основных позиций.

Большевистская резолюция, оглашенная на заседании Петроградского Совета, так квалифицировала этот документ: „Платформа так называемой „революционной демократии“, оглашенная Чхеидзе на Московском совещании, обнаружила ее полное политическое банкротство. Она есть прямой отказ даже от платформы Всероссийского Съезда Советов, формулировавшего требование мира без аннексий и контрибуций. Так называемая „революционная демократия“ пошла на позорные уступки, продиктованные желанием заключить „честный союз“ с непримиримыми врагами рабочих и крестьян. От ее имени Церетелли протянул руку буржуазно-помещичьим партиям, вошел с ними в новую сделку и взял на себя обязательства борьбы с „левой опасностью“.

Как апофеоз предательства интересов революции, Церетелли пожимает руку Бубликову под бурные овации всего „высокого собрания“. Этим символическим рукопожатием символизировался происходивший позорный торг между „революционной демократией“ и „цензовой общественностью“. „Совещание“ было сделкой мелкобуржуазных вождей с цензовиками; но в то же время оно было сделкой двух диктаторов: одного, который уже был, и другого, пришествие которого лишь ожидалось“ (Н. Бухарин).

Социальная почва для бонапартизма была уже достаточно унавожена.

„Перед нами налицо основной исторический признак бонапартизма: лавирование, опирающееся на военщину (на худшие элементы войска), государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга.

Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией обострена до крайних пределов: и 20—21 апреля,

и 3—5 июля страна была на волосок от гражданской войны. Разве это социально-экономическое условие не представляет из себя классической почвы бонапартизма? А ведь к этому условию присоединяются другие, вполне ему родственные: буржуазия рвет и мечет против Советов, но она еще бессильна сразу разогнать их, а они уже бессильны, проституированные господами Церетелли, Черновыми и К°, оказать серьезное сопротивление буржуазии.

Помещики и крестьянство живут тоже в обстановке кануна гражданской войны: крестьяне требуют земли и воли, их может — если может — сдержать только бонапартистское правительство, способное раздавать самые беспардонные обещания всем классам и ни одного обещания не выполняющее. Добавьте к этому момент, вызванный авантюрой наступления, военных поражений, когда особенно ходки фразы о спасении родины (прикрывающие желание спасти империалистическую программу буржуазии), — и вы увидите перед собою самую полную картину социально-политической обстановки бонапартизма" (Ленин, „Начало бонапартизма", т. XIV, ч. II, стр. 53—54).

Но если Керенский более или менее удовлетворял буржуазию в качестве кандидата в Бонапарты, то еще более удовлетворял ее ген. Корнилов: генерал „на белом коне" еще более импонировал господам капиталистам, чем „подставное лицо", проституирующий революцию Керенский.

Надвигалась корниловщина.

КОРНИЛОВСКИЙ ЗАГОВОР.

Ядром корниловской „ударной группы" был высший генералитет и белогвардейское офицерство. Вкупе и влюбе с правительством они после трагического провала наступления 18 июня травили армию, третируя ее,

как „обезумевшие банды“, и обвиняя армейские организации в ее развале. Презренная желтая печать в отношении русских солдат не находила других слов кроме: „уличная пьяная сволочь“, „смрадная рвань столичных подонков“, „подлая армия предательства“.

Генеральной подготовкой к выступлению была неслыханная провокационная сдача Риги, где на смерть были посланы в первую голову большевистские и латышские батальоны.

Сюда же надо отнести прорыв юго-западного фронта и падение Тарнополя.

Преданную и ошельмованную армию хотели взнуздать стальною уздой.

18 июля ген. Корнилов был назначен верховным главнокомандующим: вокруг него группировался генералитет, бывший душою заговора: генерал Деникин, Эрдели, Ванновский, Эльснер, Романовский, Лукомский, Крымов, Марков и др.

Фактическим корниловцем был сам Керенский и все его „государственное окружение“: Савинков, Филоненко, Бурцев и пр.

Это была легальная корниловщина.

Но росло и ширилось корниловское подполье.

Фрейлина Дурново и великие князья подготовляли монархический заговор.

Организовывались тайные белогвардейские общества под легальной маркой беспартийности.

В Петрограде работали: военная лига, республиканский центр, союз георгиевских кавалеров, союз воинского долга, союз чести родины, союз добровольцев народной обороны, добровольческая дивизия, батальон свободы, союз спасения родины, организация духа, общество 1914 г. единение, честь родины и порядок, армия чести, союз воинского долга, организация князя Мещерского и т. д.

Работа эта широко охватывала и провинцию.

Это был эмбрион будущей белогвардейской России. Организующей силой был „Республиканский центр". Втягивались военные училища, союз офицеров армии и флота.

Провокация распространялось и росла.

В дни, когда заговорщики работали над сдачей Риги, высылкой из Петрограда революционных войск и подвозом туда казаков, сгорело 4 снарядных завода на Охте, в Казани сгорел пороховой завод и склады, при чем взорвалось около миллиона артиллерийских снарядов и погибло 12 тысяч пулеметов.

Истинными вдохновителями всей банды были „могущественные анонимы" — главные нити шли в салоны Рябушинских, Терещенко и т. д.

Целью заговорщиков являлась военная диктатура и восстановление низвергнутой династии.

План захвата власти у корниловцев базировался на том, что члены корниловских обществ должны были инсценировать в Петрограде мнимое выступление большевиков. Другая часть заговорщиков, с подготовленными офицерскими дружинами и юнкерскими училищами, должны были вмешаться вооруженною силою и, действуя совместно с пришедшей в Петроград кавалерией и подтянутым к моменту выступления конным корпусом генерала Крымова, захватить власть. Предполагалось арестовать часть членов правительства, Советы, разгромить рабочие организации и большевиков, произвести казни и проч. (Владимирова, „Корниловщина". Фактическая сторона заговора по данным этой монографии).

Непрерывно в печати появлялись предупреждения и заявления о готовящихся погромных выступлениях большевиков, на заводы являлись люди в солдатской форме и призывали рабочих к вооруженным выступлениям, а самый день выступления — 27 августа — был выбран потому, что он совпадал с полугодовщиной революции, и

корниловцы рассчитывали, что в эти дни состоятся рабочие демонстрации.

Заговорщики были окрылены надеждами: они рассчитывали на ударные части армии, на корниловскую правительственную верхушку.

Конные дивизии лихого генерала Крымова должны были занять Петроград, обезоружить части петроградского гарнизона, которые примкнут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Совет.

В дальнейшем им поручалось потребовать от кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк (при чем „согласие министра председателя на разоружение крепости Кронштадта последовало 8 августа").

Флоту было послано приказание: „в случае, если в г. Гельсингфорсе возникнут беспорядки, то судовой артиллерией разгромить город".

Уверенные в триумфальном ходе переворота, заговорщики форсировали события.

26 августа ген. Корнилов предъявил свой ультиматум правительству — „передать всю полноту власти военной и гражданской в руки верховного главнокомандующего".

В своем нетерпении заговорщики не учли возможного сопротивления Керенского. Этот неудачный кандидат в Бонапарты и окончательно запутавшийся в двойной шулерской игре политикан обладал „честолюбием, доходившим до властолюбия" и к тому же был оскорблен в своей „бонапартистской гордости" явным предпочтением, оказываемым „нацией" его более счастливому сопернику.

Но главное — корниловцы недооценили энергию сопротивления, которую могли развить массы.

Положение Керенского оказалось безнадежным, ставка наглела, буржуазия ликовала.

В ставку стекались „общественные деятели“, чающие „государственных назначений“.

Биржа ответила на известие о выступлении ген. Корнилова повышением всех ценностей.

Иностранные военные представители являлись ко „двору“ будущего диктатора с пожеланием успеха.

Но гости забыли о хозяине.

Этот хозяин в лице многомиллионных масс революционного пролетариата и трудового крестьянства всколыхнулся от края до края революционной страны.

С величайшей быстротой передовые окопы революции были заняты, чтобы взять противника под жесточайший обстрел.

Революционный пролетариат Петрограда поднялся как один человек для борьбы с генеральским мятежом по призыву партии большевиков.

Рабочие кварталы пришли в движение. Рабочие взялись за оружие.

Их решимость защищать дело революции поистине не знала пределов.

Немедленно поднялся весь Кронштадт.

Растерявшийся Керенский обратился к большевикам с просьбой повлиять на солдат и заставить их „встать на защиту революции“.

Громадные митинги на заводах и казармах требовали ареста заговорщиков и предания их смертной казни, вооружения рабочих, передачи дела защиты революционной столицы солдатским организациям.

В эти дни уже власть правительства оказалась номинальной, действительная власть в стране принадлежала Советам, которые с огромной революционной энергией и энтузиазмом взялись за организацию отпора нападению буржуазной контр-революции.

Правительственный штаб бездействовал. В эти дни, когда к Петрограду потянулись эшелоны дивизий Крымова, революцию спасало распоряжение не правитель-

ства, а военного отдела Петроградского Совета, который своей властью приказал разобрать железнодорожный путь и движение туземной дивизии было остановлено. Железнодорожники действовали столь энергично, что движение всех крымовских войск затормозилось окончательно. Члены бюро Всероссийского Союза железнодорожников по борьбе с заговором дежурили непрерывно на железнодорожных станциях и лично руководили разборкой путей.

ВЦИК выделил комитет для борьбы с контр-революцией, который вел фактическую борьбу с ген. Корниловым, правительство же потенциальных корниловцев бездействовало или саботировало действительную борьбу.

Но соглашатели оказались лишь штабом без армии. Массы шли за большевиками. Органом непосредственной борьбы стала военная организация большевиков.

В первые же дни в Красную гвардию записалось 25 000 человек. Сразу было добыто 20 000 винтовок, появились пулеметы. По призыву большевиков, рабочие рыли окопы около Петрограда.

В корниловские войска партия послала сотни агитаторов.

Эшелоны Крымова застревали в пути, увозились на глухие станции, уссурийцы, донцы и текинцы „разлагались", еще „хуже" вели себя георгиевцы, и ген. Крымов уже сообщал по радио „вождю", что „не отвечает за дивизию".

Войска жадно слушали агитаторов, желая узнать, „где правда".

86 эскадронов и сотен превратились в ничто, растаяли как весенний снег. Генералы тоже оказались без армии.

Крымов был арестован и, войдя в помещение военного министерства, пустил себе пулю в лоб.

30 августа ВЦИК мог уже, не преувеличивая, сообщить „всем, всем, всем", что мятеж ген. Корнилова

можно считать окончательно неудавшимся, так как „весь фронт встал на сторону революции, армейские комитеты сохраняют революционный порядок, все местные советы энергично мобилизовали все демократические силы, чтобы воспрепятствовать распространению заговора".

Результаты корниловской авантюры обернулись прямо против ее творцов.

Большевистская партия вышла из корниловских дней необычайно окрепшей и с этого момента начала особенно стремительно расти. Ее влияние на массы усилилось чрезвычайно. Наша партия, используя ситуацию, немедленно приступила к организации вооружения рабочих масс. По существу, рождение Красной гвардии произошло в корниловские дни.

Наоборот, социальная база уплывала из-под ног соглашателей. Мелкобуржуазный туман рассеивался.

Рабочий класс изживал последние остатки мелкобуржуазных иллюзий: теперь его огромное большинство сознательно шло за партией большевиков, единственно выражавших интересы революции.

Армия, почувствовавшая всю дьявольскую механику корниловской провокации, могла теперь дать правильную классовую оценку корниловских командных кадров и напряженно насторожилась.

Партия кадетов разоблачила себя, как естественный центр всероссийской контр-революции.

Грязная и подозрительная роль корниловского правительства во главе с Керенским была разоблачена перед лицом самых широких масс: никакого корниловского заговора фактически не было, был только неловко сорванный договор между ген. Корниловым и правительством. Корниловская „стая славных" росла: это была длинная цепь, куда входили, начиная с Керенского, Савинков и Алексеев, Колчак и Филоненко,

Родзянко и Г. Львов, Милюков и Аладьин, Завойко и Плеханов. Контр-революция не рассчитала своих сил, но она совсем не хотела отступать.

Заговор еще раз был отложен, но еще и еще раз не отменен.

ПОСЛЕКОРНИЛОВСКАЯ РЕАКЦИЯ.

Правительство Керенского только неохотно и фиктивно вело „ликвидацию" корниловщины. Арестованные генералы содержались с большим комфортом — сначала в губернаторском доме, потом в гостинице. Правительственная комиссия сознательно затягивала следствие и одного за другим выпускала арестованных. В Быхов была доставлена только „восьмерка" главарей, но и они были выпущены ген. Духониным перед взятием ставки большевиками.

Истинной целью бонапартистского правительства Керенского было — продолжение корниловского дела в новых формах, прикрываясь лицемерными словесными угрозами направо, подготовляя разгром революции на деле.

Роль корниловщины далеко еще не была исторически сыграна. С ней еще пришлось впоследствии власти Советов лицом к лицу встретиться на Дону (Каледин), на Урале (Дутов), в Сибири (Колчаковщина и Семеновщина) и т. д. Вся послеоктябрьская белогвардейщина собиралась под отрепьями корниловского знамени, но все также без успеха: с каждым новым годом одну за другой отсекала Советская власть головы контр-революционной гидры.

Составилась „директория" во главе с Керенским, „совет пяти"; подручными Керенского являлись Терещенко и Никитин, на „технических ролях" — Верховский и Вердеревский.

Наступление реакции продолжалось, но для отвода глаз была даже провозглашена „Российская республика".

Директория была ширмой, прикрывавшей союз с кадетами, маской, заслоняющей от народного возмущения диктатуру помещиков и капиталистов.

Авантюрист Пальчинский был назначен военным генерал-губернатором Петрограда, к.-д. Маклаков — послом в Париж и т. д.

Контр-революция готовилась пустить в ход последнее средство — сдать революционный Петроград Вильгельму, и она готовила этот удар революции, а пока подготовлялась карательная экспедиция против Ташкента.

Директория, очевидно, должна была через консулат привести к бонапартизму. Однако бонапартизм при создавшихся условиях в России обречен был на неизбежный крах.

Наша партия на Демократическом Совещании возложила историческую ответственность за бонапартизм на соглашателей, которые „искусственно создали тот режим, в котором наиболее ответственное лицо, независимо от собственной воли, становится механической точкой будущего русского бонапартизма".

„Ибо в эпоху исторического междуцарствия, там, где имущие классы не могут взять всю власть, а народная власть не смеет взять власти, там рождается идея третейского судьи, диктатора Бонапарта, Наполеона. Вот почему Керенский занял то место, которое он занимает теперь, — вакансия на Керенского была открыта слабостью и нерешительностью революционной демократии".

Но соглашатели все еще не понимали, что коалиция давно уже переживает состояние постоянной агонии, что в эпоху, когда движущие силы революции разошлись, коалиционная власть есть высшая историческая бессмыслица, которая не может удержаться, или высшее лукавство имущих классов, направленное к тому, чтобы обезглавить народные массы, чтобы предоставить массы самим себе.

Они не понимали и того, что социальной почвы уже нет у них под ногами.

Именно на Демократическом Совещании доктринеры коалиции пытались вдохнуть новую жизнь в ее труп.

Влияние большевиков как в Советах, так и в органах местного самоуправления росло, влияние соглашателей соответственно падало.

Большинство в Петроградском Совете перешло к большевикам, и соглашательский президиум Исполкома вынужден был подать в отставку.

„Мы в течение шести месяцев,—говорил Церетелли,—стояли во главе Петроградского Совета и вели его от победы к победе; мы желаем вам, чтобы вы хоть половину этого времени продержались на тех постах, которые вы теперь готовитесь занять". Выплывала соглашателями „творимая легенда" о том, что „больше двух недель большевики не продержатся у власти".

Однако, большевики подобным же образом заняли руководящее положение в Московском Совете, а также в целом ряде провинциальных Советов.

Между тем, как потерявшей политический кредит „соглашательской демократии", так бонапартистской директории необходимо было во что бы то ни стало опереться на волю „революционной демократии", пусть даже фальсифицированной. Но путь для этого был только один: путь явного политического подлога.

И „герои подлога" перед этим не остановились: так 14/27 сентября открылось пресловутое „Демократическое Совещание", где „воля демократии" была подтасована самым циничным образом.

Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, действительно выражавшие волю трудящихся, получили на этом совещании 230 мест. Между тем, „города", выражавшие уже вчерашний день революции, а также в особенности земства и губернские исполнительные комитеты,—целых 500 голосов. Далее в качестве „демократии"

фигурировали: кооператоры — целых 158 мест, офицеры, фельдшера, комиссары, казаки, увечные воины, экономическая группа, союз духовенства, продовольственные организации и комитеты и т. д.

Но даже искусственно подобранный состав совещания не дал того, чего хотели его инициаторы: утверждения новой сделки „революционной демократии“ с „цензовиками“, создания „новой коалиции“.

По вопросу о коалиции Демократическое Совещание безнадежно запуталось в своих собственных голосованиях, знаменуя тем полное разложение и маразм соглашательских партий, которые уже ни на что более не были способны, кроме бесконечной болтовни и топтания на одном месте. Сначала Демократическое Совещание высказалось за коалицию большинством 766 против 688, потом оно разъяснило, что „за пределами коалиции остаются те элементы как кадетской, так и других партий, которые причастны к корниловскому заговору“. Но когда Гоц от эс-эров и Дан от меньшевиков разъяснили собранию, что вне к.-д. коалиция невозможна, Совещание большинством 813 против 183 провалило только что принятую резолюцию с только что принятой поправкой.

Совещание торжественно постановило, что не разъедется до тех пор, пока не решит вопроса о власти.

Однако, ничего другого, как выделить из себя „предпарламент“, Демократическое Совещание не смогло.

Межеумочный законосовещательный предпарламент должен был „почтительнейше фигурировать“ около бонапартиста Керенского, в качестве органа, посредством которого он „мог бы нащупывать пульс общественного мнения“.

Жалкая идея, выдвинутая еще махровым черносотенцем Шульгиным, воплотилась в жизнь, знаменуя полное разложение партий, отставших от революции, и торжество безответственного режима.

После Совещания создался новый кабинет.

Он вошел в историю, как кабинет провокации гражданской войны.

В него вошли такие финансовые магнаты, как Третьяков и Коновалов, Далее — Никитин и Кишкин, Терещенко и Ефремов.

Это правительство начало с того, что от него можно было ожидать, — с грандиозной провокации на фронте, послав революционный флот на гибель под Эзелем.

По всей России создавались „комитеты для борьбы с анархией", иначе говоря, с предстоящим выступлением Советов.

Для начала казаки разгромили Совет в Калуге, а затем правительство сделало генеральную попытку обескровить революцию: оно потребовало вывода Петроградского гарнизона на фронт, чтобы в Петрограде изолировать лучшие революционные полки.

Но революционный Петроград ответил на ультиматум ген. Черемисова созданием Военно-Революционного Комитета.

Ставка правительства была бита.

Соглашатели развивали бешеную агитацию за оттяжку Всероссийского Съезда Советов, и даже за упразднение Советов вообще, предлагая перебраться из „временных бараков" в готовый уже „каменный дом" государственности.

Вопреки воле изжившего себя соглашательского ВЦИК'а Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов собрался, но собрался уже в столице победоносного пролетарского восстания.

Самоупразднили себя сами соглашатели.

Всероссийский Съезд Советов принял на себя всю полноту государственной власти, чтобы разрушить до основания то самое „каменное здание" буржуазной государственности, о прочности которого так хлопотали соглашатели.

И эта ставка „героев вчерашнего дня" была бита.

И правительство, и соглашатели уже были политическими тенями.

Они повисли в воздухе.

Попытка Керенского вызвать войска с фронта потерпела крах.

Герои Февраля догнивали в могиле Зимнего и предпарламента, пока не прогремел могильный салют „Авроры".

Рабочие, крестьянские и солдатские массы шли на штурм со стихийной силой, но это уже были не те массы, что 3—4 июля: партия большевиков внесла в их движение планомерность и организованность.

Разбив неудачную попытку установить классовую диктатуру буржуазии, растоптав корниловщину, революция пришла к диктатуре пролетариата в союзе с крестьянством.

Февральский период революции кончился.

У ИСТОКОВ ОКТЯБРЯ.

Февральская революция таила неисходные внутренние противоречия.

Буржуазия, вынужденная ходом событий бороться против „с в о е й революции", рабочий класс, победоносно возглавивший народные массы в б у р ж у а з н о й революции,—таково основное внутреннее противоречие Февраля. Это противоречие предопределило неотвратимое падение буржуазной власти еще в истоках буржуазно-демократической революции.

Буржуазия, дождавшаяся, наконец, так безнадежно запоздавшей с в о е й революции, больше всего была озабочена тем, ч т о б ы с п а с т и с ь о т р е в о л ю ц и и, подавить и уничтожить ее.

Трудовые массы, совершившие Февральскую революцию и достаточно сильные для ее закрепления, расши-

рения и углубления, добровольно отдавали власть в руки правительства, заведомо враждебного революции, чисто классового по своему существу, стремившегося не к завершению революции, а к ее крушению, не к углублению революции, а к углублению ее развала, не к революционному творчеству, а к контр-революционному разрушению.

В буржуазный период революции буржуазия занималась вместо творческой положительной работы, вместо организации экономики ее дезорганизацией, но зато организацией хитроумной механики удушения революции „костлявой рукой голода".

Соглашательские Советы, которым трудовые массы против их собственной воли навязывали власть, благочестиво открещивались и отбрыкивались от нее руками и ногами; они доктринерски пытались остановить бешено мчавшийся вперед „локомотив истории", законсервировать революцию на ее буржуазной стадии; они призывали рабочих и крестьян к самоограничению и самопожертвованию во имя „священного принципа" буржуазно-демократического характера революции.

Буржуазия делала ставку на гражданскую войну, не останавливаясь перед срывом войны внешней ради сохранения существования своего класса, соглашатели призывали к „ненарушимому единению всех классов" во имя ведения войны, рассчитанной на создание „великой" буржуазной России.

Пролетариат и крестьянство, осуществляя свои классовые требования, направили всю силу своего классового оружия, чтобы уничтожить дворянское землевладение, смести остатки крепостничества, выйти из заколдованного круга войны.

Буржуазия в блоке с крепостниками добивались реставрации старого режима, предназначая буржуазную гегемонию для себя, а монархический штык для удержания народных масс в покорности.

Мелкобуржуазные советы соглашательского периода избегали приступа к разрешению всех основных и наболевших вопросов революции, благоговейно откладывая их в долгий ящик Учредительного Собрания. Буржуазия же не мыслила себе иного Учредительного Собрания, кроме „долгого парламента“ английской контрреволюции или версальско-тьеровского „национального собрания“.

Основное противоречие Февральско-Мартовской революции, обостряясь и углубляясь, должно было взорвать ее с силой автоматической мины.

Буржуазия, занятая организацией заговоров против революции, и соглашательские Советы, занятые обузданием „представляемых“ ими классов, отказавшись от революционного творчества, собственными руками готовили пришествие Октября.

Вот почему Февраль стал прологом Октября.

Вот почему Октябрьская революция явилась, с одной стороны, завершительницей буржуазно-демократической революции, и с другой — зачинательницей революции социалистической.

Объективная нерешенность всех вопросов в эпоху Февральской революции создавала субъективную готовность народных масс бороться за осуществление задач Октября.

Февральская революция только поставила, до крайности обострив, основной вопрос о земле.

Дворянско-помещичья клика попрежнему владела своими поместьями, чая „воскресения из мертвых“ романовской монархии.

Стомиллионное крестьянство глухо волновалось, теряя терпение.

Министр эс-эр Чернов сулил ему „социализацию земли“ в награду за долготерпеливое ожидание Учредительного Собрания, заставляя в настоящем довольствоваться сидением в „земельных комитетах“ и пода-

вляя карательными экспедициями стихийные вспышки аграрного террора и „самочинные захваты“ помещичьей земли, которая, кстати сказать, распродавалась помещиками направо и налево, оптом и в розницу, „столыпинским мужичкам“ и „иностранным подданным“.

В конце „февральского периода“ началось настоящее крестьянское восстание, которое слило свою мощь с революционным порывом пролетариата. Революционный напор рабоче-крестьянского блока стал необорим.

Февральская революция непрерывно „ставила“ вопрос о войне, совершенно бессильная его решить.

Империалистическая буржуазия хотела все классы населения поставить на службу войне, связав свою судьбу с судьбой Антанты, в победе которой надеялась найти осуществление своих разбойничьих идеалов.

Соглашательские Советы, додумавшиеся до „наступления для обороны“ и до „войны во имя мира“, объективно выполняли лишь роль бессознательных палачей союзных штабов, помогая им „выполнить невыполнимое“: вести революционную армию на убой до победы лондонской буржуазии и московской биржи.

Пролетариату и крестьянству война была чужда и ненавистна, они жаждали выхода из ее дьявольского „огненного кольца“.

Герои Февраля дали солдатам Июньское наступление, корниловский намордник и массовые расстрелы частей при отказе итти в наступление.

Стихийно ненавидящая корниловский командный состав, солдатская масса со стихийным энтузиазмом примкнула к борцам Октября. Февраль дал армии и матросам Ригу и Эзель, Октябрь — выход из мертвой петли войны.

Герои Февраля не хотели и не пытались не только решать, но даже и ставить национальный вопрос.

Империя царей, угнетательница народов, содрогалась, насквозь потрясаемая центробежными токами.

Империалистическая буржуазия, для которой догмат „российской великодержавности" был „превыше всего", надменно отвергла „изменнические поползновения" финляндского сейма и украинской рады.

Соглашательские Советы готовы были дать „самоопределение нациям", но в пределах милюковской „державной России".

Только Октябрь был в силах разрешить величайшую историческую проблему, только Октябрь искренно и последовательно разрешил национальный вопрос, признав полное самоопределение наций с правом отделения и независимого существования.

Только Октябрь мог вместо „лоскутной империи", раздираемой на части центробежными стремлениями, создать СССР, братский союз народов на основе нового равновесия, недоступного капиталистическому миру.

Герои Февраля не только бессильны были разрешить основную проблему изжития разрухи и поднятия производительных сил страны, они, наоборот, делали все для углубления разрухи.

Война требовала величайшего напряжения и развития производительных сил страны, — буржуазия саботировала производство.

Пролетариат требовал рабочего контроля над производством, соглашатели тормозили и делали бесплодными все меры контроля, чтобы удержать коалицию с банковскими магнатами.

Церетелли и Рябушинские довели страну до экономической катастрофы, и только Октябрь мог поднять „на рамена свои" колоссальную тяжесть ее изжития.

Октябрьская революция, осуществившая обобществление средств производства, создала объективные предпосылки для бурного и стремительного развития производительных сил.

Только после Октября мы смогли „двинуться вперед семимильными шагами догонять и обгонять другие страны".

Восстановительный период Октябрьской Революции залечил раны, нанесенные войной и разрухой, и показал, что возможности социалистического хозяйства превосходят хозяйственные возможности капитализма.

Февральская революция была призвана историей ликвидировать „проклятое наследие царизма", 300 лет сковывавшего развитие великой страны.

Могла ли это сделать империалистическая буржуазия, воздыхавшая о потерянном рае царизма, угнетавшего веками народные массы?

Могли ли это сделать соглашатели, боявшиеся произнести слово „республика" и разогнать Государственную Думу?

Только Октябрьская революция железной рукой пролетариата вымела весь мусор феодально-абсолютистского строя из всех закоулков страны, только она сломала всю бюрократическо-чиновничью машину старого режима, только она перестроила весь государственный аппарат и армию на новых истинно демократических началах.

Только она всерьез и навсегда уничтожила „наследие царизма", придавила его гранитной плитой и превратила царизм в историческое воспоминание.

Отношение между Февралем и Октябрем есть отношение между буржуазно-демократической революцией и социалистической, в которую она с объективной неизбежностью переросла.

„Завершив буржуазно-демократическую революцию вместе с крестьянством вообще, пролетариат России перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, объединить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии.

Вот если бы большевистский пролетариат столиц и крупных промышленных центров не сумел объединить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства, тогда этим была бы доказана „незрелость" России для социалистической революции, тогда крестьянство оказалось бы „целым", т.-е. осталось бы под экономическим, политическим и духовным руководством кулаков, богатеев, буржуазии, тогда революция не вышла бы за пределы буржуазно-демократической революции".

„Только пролетариат довел действительно до конца буржуазно-демократическую революцию" (Ленин. „Пролетарская революция и ренегат Каутский", т. XV, стр. 512).

„Чтобы закрепить за народами России завоевания буржуазно-демократической революции, мы должны были продвинуться дальше, и мы продвинулись дальше. Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как „побочный продукт" нашей главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы. Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы. Буржуазно-демократические преобразования, говорили и доказали делом мы, есть побочный продукт пролетарской, т.-е. социалистической, революции... Первая перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удастся второй перерасти первую.

Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую. Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время он означает разрыв с буржуазным демократизмом и возникновение нового, всемирно-исторического типа демократии: именно пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата" (Ленин. „К четырехлетней

годовщине Октябрьской революции", т. XVIII, ч. I, стр. 365—366).

Процесс этого „перерастания одной революции в другую" был чрезвычайно бурным и стремительным.

Вся всемирно-историческая обстановка, сопровождавшая рождение Февраля, объективно обусловливала неизбежность этого крайнего ускорения „бега истории": вся эпоха буржуазной революции хронологически уложилась в восемь месяцев.

Ибо этот ускоренный путь от Февраля к Октябрю пролетариат, а под его руководством все трудовые массы, прошел, вооруженный величайшим революционным оружием классовой борьбы—ленинизмом.

Октябрьская революция, пришедшая через Февраль, смела власть буржуазии, чтоб передать ее в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, открыв эру мировой социалистической революции.

Библиотека
Института Ленина
при ЦК В.К.П. (б.)

КРАТКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Н. Ленин (В. Ульянов). Собрание сочинений. ГИЗ. М. Л. 1925, том XIV, часть I: «*Буржуазная революция 1917 г. От Февральской революции до Июльских дней*».

Его же. Том XIV, часть II: «*Буржуазная революция 1917 г. От Июльских дней до Октябрьской революции*».

Н. Бухарин. «*От крушения царизма до падения буржуазии*». Изд. „Пролетарий". Харьков. 1923.

Его же. «*На подступах к Октябрю*». Статьи и речи.

И. Сталин. «*На путях к Октябрю*». ГИЗ. Л. 1925. Статьи и речи. Март—Октябрь. 1917.

М. Покровский. «*Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.*» (X лекция). Изд. «*Красная Новь*», 1924.

С. Пионтковский. «*Февральская революция. Февральские дни 1917 г.*». (Популярный очерк.) Изд. „Прибой". Л. 1925.

Его же. «*Октябрьская революция в России. Ее предпосылки и ход*». ГИЗ. П. М. 1923. Главы I — VI.

В. Максамов и Н. Нелидов. «*Хроника революции 1917 г.*». (Январь 1917 — Декабрь 1917.) ГИЗ. М. П. 1923.

Его же. «*Хроника революции 1917 года*».

Н. Авдеев. Т. I. (Январь — Апрель.) Т. II. (Апрель — Май.)

В. Владимирова Т. III. (Июнь — Июль.) Т. IV. (Август — Сентябрь.)

В. Владимирова. «*Контр-революция в 1917 г.*» («*Корниловщина*»). Изд. „Красная Новь". Главпол. М. 1925.

Ник. Суханов. «*Записки о революции*».

Шляпников. «*Канун 1917 года*». Ч. I и II.

Его же. «*1917 год*». Ч. I и II.

С. А. Алексеев. «*Февральская революция*». ГИЗ. Л. М. 1925. (Февральская революция в описаниях белогвардейцев.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие	5
Историческое место Февральской революции	7
Исторические предпосылки Февраля	13
Дни переворота	20
Эпоха двоевластия	29
Коалиционный период	36
Июльские дни	45
Бонапартизм и наступление контр-революции	52
Корниловский заговор	61
Послекорниловская реакция	68
У истоков Октября	73
Краткий библиографический указатель	81

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Ф. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

КРОНШТАДТ И ПИТЕР
в 1917 году

Содержание. Февральская революция. Революционный Кронштадт. Работа в Кронштадте. Апрельские дни. Кронштадтская республика. Вокруг финского побережья. Июльские дни. В тюрьме Керенского. Накануне Октябрьской революции. Октябрьская революция.

«Книга т. Раскольникова по типу примыкает к книгам Джона Рида и Вильямса. Написанная легко и свободно, она в ряде публицистических очерков дает интересные картины Кронштадта и Питера в переходные дни революции. Ее можно рекомендовать массовому читателю и партийному молодняку». (С. Пионтковской. «Правда», 1925, № 122).

Стр. 280. Ц. 2 р.

П. Е. ДЫБЕНКО

МЯТЕЖНИКИ

Содержание. До Февральской революции. Февральская революция. Первые дни Керенщины. Июльские события. Перед грозой. Красный Октябрь. Гатчина. К новым боям. Смерть учредилки.

Живые очерки Дыбенко повествуют о памятной роли Балтийского флота в исторические дни Февральской и особенно Октябрьской революции.

Стр. 117. Ц. 70 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата

50 коп. — р 5329 35 7/4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИНГРАДСКИЕ РАБОЧИЕ
В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ 1917 г.

СТАТЬИ, ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

Под общей редакцией П. Ф. КУДЕЛЛИ

(Ленинградский Истпарт)

Стр. 170. Ц. 75 к.

ПАДЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ

27 февраля (12 марта) 1917 г.

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ КЛУБОВ

Под общей редакцией Я. НЕТУПСКОЙ

Содержание. I. Материалы для докладчика. II. Материалы для художественного вечера (инсценировки, стихи, песни). III. Материалы для выставки. (17 листов иллюстраций, документов, карт и пр.)

Стр. 148, приложения. Ц. 1 р. 20 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата